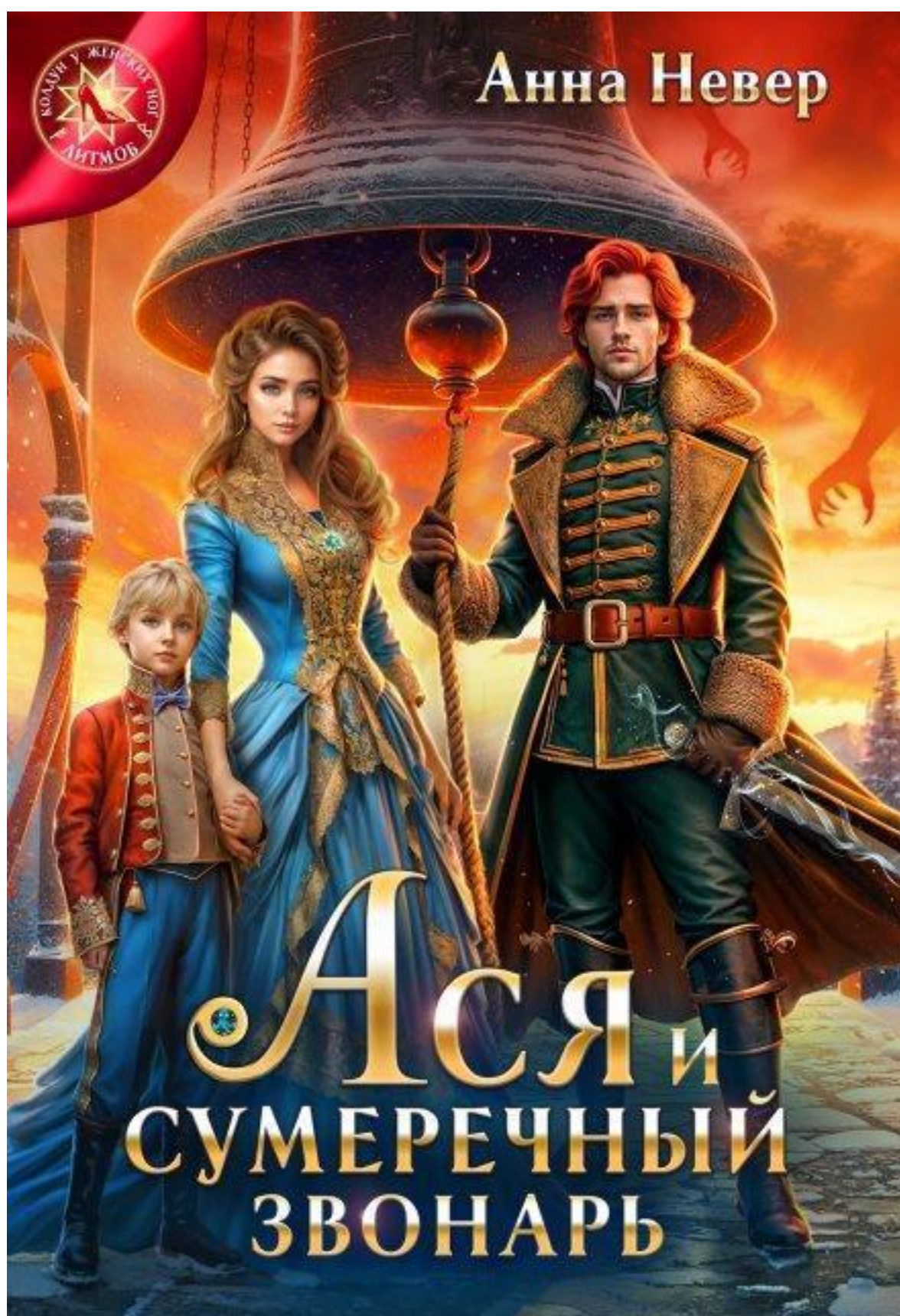

Анна Невер

Анна Невер

Ася и сумеречный звонарь

«Литнет»

2024

Невер А.

Ася и сумеречный звонарь / А. Невер — «Литнет», 2024

ЗАВЕРЕШНQ Князь Белозерский - причина бессонниц у многих девиц империи. Защитник с призрачным мечом, красивый как архангел. И хоть сама Ася из боярского рода, этот мужчина далек от нее, как звезды, закрытые опостылевшей пеленой. Однако происходит невероятное. Белозерский заметил, ее-то худышку в очках! Это нерационально, вызывает сомнения, вопреки сердцу, которому хочется верить. Но тсс... Слышите? Ветер несет набат. Будьте осторожны, когда звонит сумеречный колокол. В тексте: ♦# героиня из слабого рода, но не слабого характера ♦# князь, что ошибется, потом обнимет ее ножки ♦# неожиданное княжение и быт ♦# глубокая любовь через время, второй шанс и ХЭ ♦# альтернативный мир России 19 века, кланы, бояре ♦# мир после схода аномалииоднотомник# БУКТРЕЙЛЕРОгромное спасибо всем, кто ставит★ звезды, дарит награды и оставляет комментарии) Отдельная благодарность всем, кто поддерживал книгу в процессе! ♥#

© Невер А., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

1. Призрачная клякса	5
❁ Визуал	8
1.1	9
❁ Визуал	14
2. Князья Белозерские	15
3. Приезд покровителей	20
4. Выставка и нравоучения	25
5. Разбитое зеркало	34
❁ Визуал	39
5.1	40
❁ Визуал	44
6. Шифр и привет из куста	45
7. Невеста и бал	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

1. Призрачная клякса

Аннотация

**Князь Белозерский - причина бессонниц у многих девиц империи. Защитник с призрачным мечом, красивый как архангел. И хоть сама Ася из боярского рода, этот мужчина далек от нее, как звезды, закрытые опостылевшей пеленой.
 Однако происходит невероятное. Белозерский заметил, ее-то худышку в очках! Это нерационально, вызывает сомнения, вопреки сердцу, которому хочется верить.
 Но тсс... Слышите? Ветер несет набат. Будьте осторожны, когда звонит сумеречный колокол.

 (Альтернативная история. Не ищите исторических достоверностей.)**

*
 «Лишь осветленные в силах избавить наш мир от напасти, сошедшей со звезд.
 Одаренные неприкосновенны. Любое посягательство на здоровье
 и жизнь осветленных отныне будет караться с величайшей строгостью».*

Ломоносов М. В.,
 светило науки 18 века и новый пророк из первоосветленных.

Глава 1. Призрачная клякса

1844 г., Петроград, Российская Родосветная империя.

Ася шла по сумрачному коридору Смольного института. Казалось, все институтки покинули здание, выбравшись на морозный воздух и хрусткий снег к своим крытым коляскам. И только она задержалась в библиотеке в желании заполучить очередной том высшей экономической арифметики для чтения в выходные дни дома. Драгоценная книга была обернута в серую бумагу и перевязана бечевой, и сейчас приятно ощущалась в руках и согревала душу. Ася полагала, что по пути в гардеробную не встретит никого. Однако ошиблась.

Призрачная силовая клякса, размером с яблоко, зависла от нее в паре метров, преграждая путь. Сгусток силы выглядел бледно, разреженно как пар от самовара, однако мимо не пройдешь.

Из-за очередной колонны послышалось сдавленное хихиканье. Ася возвела очи в потолок, высокий, надо сказать, в классическом стиле, как все в Смольном. Флегматично вздохнула. На ее чуть тонковатых губах появилась скептическая улыбка.

– Что? Дрожишь, поди, от испуга, Лапкина? Девяностый псалом шепчешь, – показалась-таки из-за широкой колонны Карина Угарская, княжна Тверская. Дивчина крепкой кости и обладательница грудного голоса. Ее чернильного цвета волосы были вплетены в крупную косу и украшены на маковке венцом – модной нынче ширины в два пальца и усыпанным рубинами со шпинелью. И хоть на Каре было такое же по фасону форменное платье коричневого цвета и белый фартук, как и у самой Аси, но смотрелись они более представительно. А как иначе? Сукно высшего качества, пошив от лучшего портного Петрограда, и нежная кружевная оторочка фартука – явно китайская кисея. Необычайно дорогая вещь. Ведь торговый Китайский путь нынче опасен. Поговаривали, что Алая Марь поглотила его на треть.

– Уж погляди вблизи, как настоящая светлейшая волшба выглядит, – меж тем продолжила довольно Угарская. Выходило это у нее грубо и как-то по-детски. – Поди в твоём отсталом роду и позабыли, каково это владеть настоящим даром. Напомни, что у вас за родовой дар? Учётный? Фу, девы! Такой только для слуг и хорош.

«Свита» в количестве трех подруг-подпевал закивала.

– Но да ты и тем пока не владеешь.

Она права. Это у Кары помимо родовой нашивки грудь с недавних пор украшала драгоценная брошь – «ярлык неприкосновенности» с ликом шестикрылого серафима – отличительный знак проявленного одаренного. Ася лишь пока могла мечтать о такой. Карина Угарская

и раньше всяко старалась толкнуть ее или словесно подшпилить, теперь же, когда у нее раскрылся дар, и не какой-то, а защитный, то и вовсе разошлась.

– Думаешь, ты тут самая умная, раз на вопросы профессоров отвечаешь на отлично? Должно быть, и шифр Смольного на выпускном чаешь получить? Так знай, мы задавак не потерпим. Чего молчишь, немощь? – скандально подперла кулаки в бока Злата Торчук, самая кусачая борзая из свиты. Если бы не была такой злой, то вполне могла показаться симпатичной.

А Ася просто ждала. В голове велся обратный отсчет: «Одиннадцать, десять, девять, восемь...».

– Отвечай, коли тебя спрашивает княжна, – капризно велела Марфа Поздеева голосом журчащим, как гусельки. Эта полногрудая красивая великобоярская дочь с тонкой талией, слыла самой близкой подругой Карины. Ее пухлые губки даже сейчас смотрелись налитыми и сочными, как ягоды. Светлую головку боярышни тоже украшал модный ободок с голубыми сапфирами и жемчугами. Третья из подпевал – Шура Шувалова, графская дочка, маленькая и довольно широкая в бедрах девица, лишь заглядывала остальным подружкам в рот и поддакивала.

– Так я ожидаю, – протянула Ася, едва не зевая напоказ. С ними на самом деле скучно.

– Чего? Протри свои пыльные очки, иль не видишь моей волшбы!

– Видела я уже твою призрачную размазню, Карина. – «Пять, четыре...», – Слабый покров, и концентрация на низшем уровне. У тебя сил не хватит удержать силоформу, не то, что направить.

– Чего?! – громогласно гаркнула княжна. Призрачное нечто дернулось было вперед, но все – связь потеряна. Клякса развеялась, словно ветерком сдуло.

– О том и глаголю, – пробормотала Ася себе под нос, благополучно минуя задир в юбках. Как же они надоели эти княжны да великие боярышни, пытающиеся утвердиться за счет слабых родов. Она сама из боярского рода, но, увы, почти угасшего. Хорошо, что «уродилась башковитой», как часто любит говаривать батюшка. Учеба в Смольном давалась легко. Жаль, что это не давало некоторым спокойно жить.

– Темная плебейка, ничтожество, – бушевала позади Угарская. – В следующий раз ты у меня получишь, клянусь! И род твой скоро лишится боярского статуса! Помяни мое слово, Аксинья Лапкина.

Ася даже не обернулась. И сдалось же матушке из кожи вон вылезти, но запихнуть ее именно в этот высокосветский Смольный, который с 1801 года стал считаться местом слета первых невест на Руси! Но да ладно. Учат здесь действительно знатно, и библиотека богатая. Можно и потерпеть этих высокородных упырих. Скорей бы их разобрали в жены какие-то особо провинившиеся у Христа бедолаги, естественно из самых знатных родов. А ее бы оставили в покое.

Афанасий Емельянович, пожилой гардеробщик, вынес одежду, как и полагается. Но не успел в поклоне галантно подать для вдевания барских ручек в рукава – Ася забрала свою душегрею на овчинном меху, и сама оделась. Она уже давно подметила, что дядя Афоня за спину порой держится, когда думает, что его никто не видит. Ей не трудно себя обслужить да самой пуговицы продеть в петли, а старику – все облегчение.

– Прощевайте, боярышня, – улыбнулся служащий, склонив седовласую голову.

На дворе уж сгустился бурый сумрак зимнего вечера. Продолжал сыпать золотистый снег, особо блестящий при свете фонарей. Красиво, если не знать, откуда берется эта «позолота». Возок Лапкиных подкатил к парадному выходу. Несколько потрепанный за годы использования, но еще неплохой. Гришка на козлах приветственно кивнул, блестя лукавым взглядом. Нос красный, то ли с мороза, то ли подвыпил поди снова мужик. Отъезжая, Ася наблюдала как по парадным ступеням восьмиколонного портика важно сходят Угарская с Поздеевой – обе в длиннополых соболиных шубках. Ступают важно, словно павы. Поди в царицы метят в мечтах.

**#♥#♥#♥#

 Дорогие читатели, рада видеть вас в этой истории.)**

Герои в ней наломают дров, сложат костерок и запекут на нем сердца) Можно будет наблюдать любовь, пронесенную через годы, покаяние за ошибки, горячее желание выстоять и не сломаться, отцовские чувства.

ХЭ гарантируется. И да - не ищите исторических достоверностей.)

Если поставите # книге и оставите комментарий, мой Муз вам от души отвесит поклон в ножки.) ♥#

Визуал

Вот и героиня, наша умница Ася:

1.1

Ася понимала, что с развитием дара волшебства Карины сможет покрепчать, и тогда уже так легко будет не отделаться. Слыхала она о случаях, когда слуги одаренных хозяев получали уродливые отметины от воздействия светлой силы. Шрамы на лицах и телах оставались.

Особо при крепостничестве такие наказания процветали. Но потом среди закрепощенных стали выявляться одаренные, способные создавать свои новые рода. Семь сильнейших из них подали императору Петру II петицию о свободе, и крепостничество пало. Нынче от него только добровольная грамота и осталась - для отчаявшихся бедняков, желающих продать себя в вековое рабство за кусок хлеба и крышу над головой.

Ася, конечно, не служанка, да только Кара была спесивой и заносчивой. Не хотелось бы получить подобную «расписку» на своем теле от несдержанной княжны.

Забравшись внутрь возка и захлопнув дверцу, Ася уютилась на лавке, покрытой овчинными шкурами. Дыкнула на замерзшее окошко, протерла себе маленький просвет в морозном рисунке. Следя за тем, как мимо двигаются темные стволы деревьев, подумала, что батюшка скорее всего не стерпит подобного инцидента и поедет к Угарским с претензией. А это противостояние ни к чему хорошему не приведет. Значит, нужно сократить встречи с Угарской в Смольном, не бродить в одиночку по коридорам института. Благо хоть спит она с Угарской не в одной опочивальне.

Через пару часов, оставляя позади следы от полозьев, возок заехал в ворота пригородной усадьбы Лапкиных: небольшой участок земли, на котором стоял нахохлившийся с непогоды дом с мезонином. При нем - конюшня да сарай будто осели под снежными шапками. Дом встретил привычным запахом сдобы и легкой сырости. Должно быть вновь Февронья пироги напекла. Очень уж стряпуха баловала всех домашних свежей выпечкой.

Федор Степанович Лапкин сидел в гостиной в стеганном фланелевом халате. Вытянув к изразцовой печи ноги, он просматривал учётные книги. Нет, не свои, а чужих родовых домов, которые вел, как учётник за достойную плату. Да, папенька был осветленный, и тоже носил серебряный значок с серафимом, может не такой искусной работы, как у Карины, но означающей едино – пред вами тот, кто владеет даром.

Ася чмокнула батюшку в русую макушку, поймала его рассеянную улыбку и добрый взгляд.

- Асенька, - пробормотал отец, почесав окладистую бороду, а затем привычным жестом пригладив ее. – Приехала, родимая, эм... садись, поведай-ка мне, как отучилась эту неделю в своем институте.

Батюшка всегда живо интересовался ее успехами. И сейчас Ася поделилась о своем житье-бытье в Смольном, умолчав только о выходке Угарской. Рано родителя беспокоить. Отец как всегда похвалил за усердие в учебе и обещал дать пару советов по расчетной науке.

- А который час?

- Час ужина, милый мой Федор Степанович, - в дверях показалась матушка, чуть полная женщина, невысокого роста в аккуратном синем домашнем платье с оборками. Ее голову украшал сетчатый повойник с бисерными низками. Нынче замужние женщины уж не прятали так тщательно волосы, как раньше. А при императорском дворе так еще и выставляли напоказ. Родительница Аси хоть и не была при дворе, но модные вестники полистывала.

В руке она держала сложенное письмо, которое при виде дочери опустила в карман.

- Ася, дорогая, хорошо, что ты уже дома, ступай переоденься к столу.

Так уж повелось, что с матушкой особого душевного понимания Ася не обрела. Маменьке были больше любы старшие дочери Оля и Елена, которые нравом пошли в нее. С ними она подолгу и с удовольствием вела беседы, когда те приезжали в отчий дом погостить.

Ныне обе сестрицы замужем, быстро выскочили за тех, на кого указала матушка после бала дебютанток. Ольга за дворянина Милована Веникова, Лена же за купца Якова Краснобаева. Матушка возлагала большие надежды на зятьёв, рассчитывая поправить после свадеб шаткое денежное состояние рода Лапкиных. Увы. Первый зять на поверку оказался беден, а второй жаден. Странно, что маменька теперь всяко сердается, когда Ася отвергает навязанных потенциальных женихов, большинство которых годятся ей в отцы. Вот и сейчас маменька окинула дочь недовольным взглядом. А после поморщилась, когда с верхнего этажа послышались девчоночьи выкрики.

- Что за вопиющая невоспитанность? На что мы Феденька тратим деньги на гувернантку? Ах! У меня тотчас мигрень начнется, коли эти три несносные девчонки не перестанут так горланить. Ася, поди же скорее, приструни немедленно сестер!

- Галочка, присядь, душенька. Не стоит так волноваться, - забеспокоился отец, убирая в сторону книги и освобождая жене свое место в кресле.

Напоследок, прежде чем послушно отправиться в девичьи комнаты мезонина, дочь бросила косой взгляд на уголок конверта, выглядывающий из кармана маминой юбки. Обычно родительница не такая чувствительная. Неспроста это. Чует сердце, очередное сватовство готовится.

Наверху спорили три юные девицы. Оказывается, в преддверии Рождественских приемов им позволили залезть в бабушкин сундук и выбрать по одной вещи для себя. И Екатерина, София и Мария или проще Катя, Софка и Машуля взялись за дело с огоньком. Все три темноволосые и кареглазые, в маму. Да что там, мышинный цвет волос, глаза с зеленоватым оттенком и худощавость фигуры, достались по наследству от отца одной Асе. Как и имя не особо аристократическое – Аксиныя, данное в бабулину честь, по отцовской линии.

- Что за тарарам? Хотите, чтобы слуги про нас на утро сплетни разнесли? – не повышая голоса спросила у юных склочниц, вцепившихся пальчиками в нежно розовую кружевную накидку.

- Ася, сестрица! – подались вперед девчонки, завидев ее. – Рассуди нас...

Это было не впервой. Почему-то как разрешить какой спор, всегда просили ее. Ася умела расставлять приоритеты и акценты, находить сильные и слабые стороны. Вот и сейчас, вынесла быстрое решение – накидка должна достаться Софье. У нее в конце мая бал дебютанток, и эта вещь ей как раз подойдет под розовые перчатки. И Катя с Машулей отступились со вздохами, не стали спорить.

Шустрая Софка схватила отвоёванную вещь и накинула на плечи, принялась вертеться у зеркала. В свете свечей из двух канделябров, ее карие глаза ярко блеснули, и каштановые кудряшки оттеняли персиковую кожу щек.

- Хороша, я! Правда же, сестрицы, любимые! – шельма загнула лукаво темную бровку, стрельнула очами. Талант актрисы на лицо. – Вот точно, увидит меня какой-нибудь великородный, так и влюбится без памяти, да после в жены возьмет. Правда же такое может быть, да, Асенька?

Ася промолчала. На столике посреди опочивальни лежал сборник двухлетней давности «Золотой Род» за 1842 год, засмотренный до дыр всеми сестрами семейства. На его страницах была представлена в портретах элита Российской Родосветной империи. На открытом развороте красовались двое мужчин. Статные, крепкие, в белых мундирах с нашитыми шнурами, с золотыми эполетами, со значками одаренных и орденами в петлицах. Волосы – как выбеленный лен, красиво уложены под золотыми княжескими венцами, глаза пронзительно синие, васильковые. Дар обычно наделяет своих подопечных красотой и отменным здоровьем. Карина Угарская тоже похорошеет со временем. Отец вот и тот не седеет с годами и зрение не теряет, хотя дар его считается слабым по силе. Жаль, что в их семье никто так более и не осветлен даром, ни одна из дочерей. Так уж свыше дано, в мальчиках дары проявляются намного чаще, чем

у девочек. И как не чаяли родители родить мальчика, да к сожалению Бог так и не подарил наследника.

- Да! Вдруг сами князья Белозёрские обратят на меня внимание, отследив направление взгляда старшей сестры, хихикнула Софья.

- Старший брат уже занят, - с досадой фыркнула через губу насуспенная Маша. – Охотула Борислава Белозёрского та противная полячка.

Было весело услышать такие речи от самой младшенькой. Вот так осведомленность.

- Зато второй свободен, - вставила Катюша, ткнув пальцем в блондина с разворота, того, что моложе.

Ася сдержала вздох. Николай Белозерский. А ведь шесть лет назад она видела этого молодого мужчину и не на листе бумаги. Сборник лжет - младший князь северных земель вживую даже еще более хорош, чем на картинке. И он спас ребенка... Да, малыш лет двух чуть не попал под колеса экипажа на оживленном Екатерининском тракте. Было лето 38го года, день накануне Яблочного Спаса, солнце шибко разогрело землю даже сквозь небесную пелену, просвечиваясь ярким пятном. На гужевой дороге стояла суeta и пыль столбом. Многие спешили из губерний на ярмарку в столицу и торопились. Сама Ася тогда сидела в тарантасе и заметила произошедшее в последний момент. Вскрикнула от испуга. Но успела лишь соскочить на землю с подножки, когда все решилось.

Вот мальчонка бежит под копыта взмысленных лошадей, тянущих повозку, секунда – и произойдет непоправимое. Ан нет. Дымка светлой волшбы, как белый пар, объяла малыша в последний момент. Ведомый светлой силой ребенок отшатнулся, затем повернул назад. Какие-то пару секунд, но они решили одну судьбу. Тогда-то Ася и увидела второго княжича Белозерского. Он был великолепен, как архангел, ей Богу. Высокий, светловолосый с благородным красивым ликом, сильный одаренный в лазоревом кафтане со шнурами на груди. В ножнах у бедра его исходил едва приметной белой дымкой призрачный меч.

Николай Белозерский тогда, как помнится, слез с гнедого жеребца и сам передал ребенка испуганной матери. Погладил мальчонку по головке, сунул в ручку гривенник, а потом взлетел в седло и унесся прочь, не осознавая, что только что оставил неизгладимое впечатление в душе одной юной девицы, которую только недавно привезли в Петроград.

Позже Ася вспоминала эту встречу, грезилa воспоминанием, ловила о Николае новости, даже скрупулезно искала сведения о роде Белозерских в библиотеках. Их историю.

Белозерские из рода доблестных воителей, их предки показали себя героически еще при битве на Куликовом поле. Век назад при сходе Мари старшая вервь осветилась в течение трех месяцев Указом императора Петра II в год «пестования родов» Белозерские были назначены князьями-защитниками северных переделов европейской части России. По сути удел состоял из белозерских и северных новгородских земель. Огромная территория и ответственность.

За полвека род Белозерских протянул сети звонниц по поморью, обновил свою древнюю вотчину - Белозерский кремль, выстроил каменные стены вместо вала, а в последние десятилетия старательно прокладывал линии вешко-перетяжной дороги. Вот только беда их все же настигла. Спустя четыре месяца после памятной для Аси встречи на тракте Николай и Борислав Белозерские потеряли родителей и младшего брата - при молниеносном прорыве Алой Мари у Онежского озера. Эта весть потрясла всю империю. Ася и сама скорбела.

Однако Николай Белозерский вопреки ожиданиям долго не горевал. И чем дальше, тем больше Асю стали задевать слухи о его слишком частых и громких любовных похождениях.

В болезненных изысканиях сведений о жизни второго князя Белозерского миновали еще полгода. А потом однажды Аксиныя Лапкина поумнела и поняла, что тратит время на глупости. Рациональное зерно в ней победило. И слава Господу Богу!

Нет. Никто из их рода Лапкиных никогда и ни при каких обстоятельствах не породнится с Белозерскими. Они – имперские князья-защитники, высота недостижимая, особы, приближенные к императорской семье, пятые в списке родов. Возможно, Карина Угарская или Марфа Поздеева еще и встанут с ними рядом, но не они.

- Советую не забивать себе головы князьями и великими боярами, - строго велела она младшим сестрам. – Пустое это. Наши рода в глубочайшем мезальянсе.

- Эх... Ну вот умеешь ты Асенька с небес на землю да больно, - проворчала Софка. Машуля вновь насупила пухлые щеки.

Лица девчонок скисли, но так будет правильно. Ася бросила взгляд на иконку Спаса Нерукотворного, что висела над ее кроватью. Христос смотрел на нее с тихим одобрением.

- Давай, Асюшка, союшка моя, побойчее-побойчее. Галина Власовна, уж серчает. Скуль можно вас ждать, бает, - проворчала нянечка. Эту маленькую, но выносливую старушку с россыпью добрых морщин на лице Ася любила не меньше родных, и старалась не огорчать.

Пришлось снять очки, чтобы избавиться ученического платья. Без них сразу мир сильно размылся: и свечи в канделябрах, и няня, и кровати с пирамидами из подушек – все превратилось в сплошные пятна. Ася не любила это свое состояние беспомощности без четкости зрения. Облачившись не без помощи няни в сорочку и домашний сарафан, вернула очки на нос, облегченно выдохнула. Слава Богу, что сам император Михаил II, упокой его душу Господи, ввел в моду пенсне, а затем и очки, а то так бы и оставался в опале у светского общества сей ценнейший предмет.

Вначале семейный ужин Лапкиных протекал обыденно, если не считать, что родители переглядывались чаще обычного. Ася вместе со всеми вкушала домашнюю выпечку, втягивая запахи и наслаждаясь. Румяные и мягкие пироги со сливовым повидлом и орехами или же с картофелем и грибами. Не забыла отдать честь и похлебке на наваристом бульоне, и мясным биточкам. Со следующей недели уж начнется рождественский пост, и стол станет не скоромным. Запивала молодым вином, чуть кислым и освежающим. И надо сказать, отдыхала душой, не следя особо за прямоотой осанки и манерами, которые неукоснительно требовались от институток в Смольном за трапезами. А вот в конце ужина... Чутье ее не подвело. Новый жених приплыл к ее берегу! Пришлось снова отвоевывать свободу.

- Нет, маменька, я не пойду за Авдея Культияпова, - она старалась говорить спокойно, но твердо. Чему-чему, а выдержке институт учит еще на первом году. Разве что сильнее сжала десертную ложечку в руке.

- Ася! Он очень богат, послушай меня... - попыталась убедить маменька, расписывая все выгоды.

- Он старый, мам.

- Представительный.

- И лысый.

- Это от большого ума. Зато у него знатный особняк на Невском проспекте и фабрика!

- Не нужен мне его особняк и богатства.

- Федя, ну скажи ей! – чуть не плача и заламывая руки, воскликнула матушка.

- Оставь ее, Галь.

- Федор Степанович, вы же мне обещали поддержку! – вспыхнула матушка негодованием теперь уж на супруга.

Отец вздохнул, отводя взгляд. Он ужасно не любил огорчать жену, в которой души не чаял.

А Ася благодарно улыбнулась батюшке и облегченно выдохнула. Спокойно вернулась к поеданию десерта, а именно к слоеному маннику с малиновым варением и изюмом.

Нет, она не лелеяла надежды на счастливое замужество. Будущее свое Ася видела вполне ясно. Папенька ее родовитым старикам в услужение не отдаст. Господи упаси! А молодые на

нее, увы, не заглядываются, мышку-худышку в очках. Так что скорее всего быть ей незамужней. Но это Асю Лапкину вовсе не удручало. На жизнь она себе заработает. Вот закончит Смольный, пойдет в помощницы учётника в каком-нибудь высокородном доме. А если еще дар проснется. Можно же помечтать, правда? Тогда и вовсе на главную хозяйственницу будет метить.

Книга была написана в рамках литмоба "Колдун у женских ног" <https://litnet.com/shrt/gqxo>

Визуал

**И знакомимся:
 второй князь Белозерский собственной персоной)
 О нем будет в следующей главе)**

2. Князья Белозерские

- Борислав Владимирович? – пробасил Ярополк Рягин, правая рука брата в бою и второй по силе осветленный в первой Белозерской дружине.

Рядом также в нетерпении застыли Васька Шилов, Миша Левский и еще полсотни бойцов при обнаженных призрачных мечах. Все в военном облачении, укрепленном волшбой.

- Ждем! - велел брат. Приставив ко лбу ладонь ребром, он всматривался ввысь, где небо сгущало оранжевые краски. Облака мари беспокойно клубились, на глазах наливаясь ярко алыми оттенками. Еще несколько минут, и грозные небеса породили два багровых отростка. Щупальца Мари, которые можно было принять издали за хоботы смерчей, устремились к земле.

- Готовьтесь к бою, шибко далеко не отходим! Почувств нас, они сами придут, – прозвучала команда Борислава, первого князя Белозерского. – Ник, будь рядом.

Всякий раз Николай с восхищением, да и что греха таить, толикой белой зависти, наблюдал, как старший брат призывает призрачную рать. Один за другим посреди широкой снежной лесной поляны появлялись богатыри. Из светлой дымки отлитые, статные, в полтора человеческого роста. В кольчугах, кирасах, вытянутых каплей шеломах на головах, все чин по чину, как встарь. При копьях и щитах. Грудные пластины, как и тыловые части щитов каждого призрачного воина украшают гербы Белозерского княжеского рода – осетры с рогатым месяцем и крестом. Это вам уже не просто отлитые силовые формы, а настоящие произведения искусства. В точности, как пишет ныне модный поэт, как бишь его, Александр Пушкин: *"Все красавцы удалые, великаны молодые, все равны как на подбор, - осветленного дозор"*.

Ровно сто два богатыря. Светлая рать. И огромная сила в борьбе со смертельно опасными тварями прорыва.

Николай перестал пялиться на братову волшбу и приступил к собственной. Быстро призвал свою пятерку. В отличие от красавцев Борислава, его войны напоминали смазанные тени без лиц и одеяния. Воплотить что-то серьезнее силенок не хватало, увы. Но да Ник никогда не горевал. Ему и этого достаточно, чтобы надрать как следует шею алым тварям. Васька Шилов, вот, создавал себе в защиту вовсе мелкие сгустки силы, зато отлично владел парными призрачными клинками, как и сам Ник. А гибкий Левский отличался зоркостью и быстротой, как сокол. Тоже довольно сильный дар. И сегодня у Алой Мари снова не будет шансов прорваться в княжество, к жилым поселениям.

Меж тем алые щупальца-хоботы опустились до земли и исторгли сотни призрачных чудовищ. Вся эта смертоносная орда рванулась во все стороны, в надежде поживиться жизнью. Ведь именно все живое Марь и жрала. Сволочь проклятая ненасытная! Выедала как чертова саранча на своем пути, а, нажравшись, жирела и медленно расползалась в ширь, вначале застилая небо, затем полоня и землю.

Выглядели ее твари, иначе – вымари, как чудовища ада, или же как создания, явившиеся из бреда сумасшедшего. Частично их уродливые формы могли быть схожими с формами частей тел земных существ - людей, животных, птиц, редко насекомых, рыб и растений. Говорят, когда-то, когда Марь только сошла со звезд на земное небо, ее чудовища были больше похожи на кляксы простейшей формы силы. За сотню лет Марь пыталась видимо воспроизвести земные формы в своих воинах, но выходило это у нее отвратительно.

Бой начался. Люди, светлые и алые призраки заполонили поляну и часть леса в округе. Сегодня первое чудовище, которого выбрал себе в жертвы Николай, имел вид багровой тучи с торчащими вверх лошадиными ногами. Призрачный клинок задрожал в ладони от нетерпения, предчувствуя приближение враждебной силы. Тварь шла на живую кровь, да только пять

светлых теней зажали ее с боков, а призрачный клинок Николая порвал уродливую плоть, разрывая ее в клочья. Те исчезали на глазах, не успевая осесть на землю.

Ник побежал к следующему врагу, сбивая снег с еловых лап. Этот вымарь предпочитал лошадиным ногам множество рук человеческих. Готовый к нападению, он вытянул их все, грозя добраться до желанной жертвы. По ним Ник и ударил. Но многорукая тварь увернулась и вновь потянулась. Шустрая, гадина! Одна алая ладонь незаметно присосалась к его плечу, но Ник быстро пресек привязку, перерубив мечом. Каждый житель Родосветной уже со времен Петра I знает, что основное, это не дать Алой Мари к себе прикоснуться дольше чем на шесть секунд. Иначе начнется необратимое разложение тела и души. Сначала человек теряет сознание, затем за пару дней от его тела остается лишь оболочка, а через три лишь – влажное склизкое пятно.

Направил призрачную пятерку на окружение твари, и, аллилуйя, таким образом смог ее достать. Пара ударов клинком по призрачной плоти, и вымарь рассыпается на лоскутья, будто взрывается.

- Зря вас погулять в темный лес мамочка отпустила. Идите ко мне, не стесняйтесь! – прохрипел второй князь Белозерский.

Николай сумел уничтожить около двадцати чудовищ, когда его окружили пять крупных тварей, одна уродливее другой. Тьфу, мрази!

- Шилов, Васька! – кликнул Ник друга, не отрывая взгляда от наползающих тварей. Но отклика не было, видимо он немало сместился от центра рубища. - Брат!

Дружина оказалась в стороне. Услышал ли его кто, неизвестно. Когда он отбил первое нападение, понял, - будет нелегко. Вымари душили численностью. Бодрые, твари, рьяные. Второй натиск. Четыре волнительные секунды соприкосновения с алой пленой, прежде чем вывернуться благодаря усилиям своих теней, довольно истончившихся за время боя.

«Еще бы пара секунд, и ты – мертвец. Но да рулетка пока еще крутится», - подумал Николай со злым фатализмом, рубя очередную гадину.

Третий набег врагов ждал, рассчитывая, как можно дороже продать свою жизнь. Однако этого не потребовалось. Показались призрачные богатыри Борислава и насели на вымарей, разя их пиками со всех сторон. А затем показался и сам Боря: идет, плечи мощные расправив, даже не запыхался, плащ лазоревый короткий за плечами на ветру полощется. Силен. Можно было выдохнуть и оскалиться в довольной и уставшей улыбке.

- Я тебе говорил от меня не отходить далеко, - тут же принялся холодно выговаривать старший. – И не рисковать жизнью! Сколько можно лезть на рожон, иль хочешь, чтобы я и тебя снес в родовой склеп Спасо-Преображенского?!

Борислав грозно свел русые брови, губы поджал так, что и борода вперед выпятилась.

- Мне хватило похорон отца, матушки да Володьки. Думаю, вот, из дружины тебя что ль выгнать, подолы боярские в думе караулить.

- Ладно-ладно, понял, брат, не серчай, - дурь азарта уж из головы выветрилась, и Николай повинно склонил светлую голову. День похорон в соборе Ник ненавидел вспоминать. Больно. К чему?

Меж тем небесная высь потеряла яркие краски, вернувшись в светлые оттенки акварельной охры. Спустя пять минут горн Ярополка протрубил общую победу. Теперь можно всем развеять защитников. По седлам и в путь обратный. Дорога до станции благо ими уже чищена. Лошади мирно несли седоков, меся копытами снег, тихо ржали.

- А я у одного вымаря сегодня видел женские титьки, целую дюжину! Ей Богу, вот вам крест, – распинался балагур Васька под дружный хохот соратников. – Хотел даже не рубить сразу, разглядеть.

После боя всегда появляется желание снять напряжение смехом, а еще не терпелось в бане попариться. Николаю уж точно.

– Ты гляди, невеста твоя Дарья Ждановна услышит, леща тебе задаст, – пробасил Ярополк в черную бороду.

– Да ну! Она у меня кроткая, ласковая.

– Ага, а кто от метлы бегал на Иван Купалы в прошлом году? – едко вставил Кирилл Котов. Этот не преминет поддеть. Не даром отец судьей сидит в Белозерске.

– Тык, это нареченная мне пыль с сапог стряхнуть хотела. А я что? Я просто шибко торопился. Мне спешить больно надо было.

Жамбот Батоков лишь из-под своей черкесской шапки презрительно фыркнул, сверкнув единственным черным глазом.

И снова хохот. Ник тоже смеялся со всеми с легкой душой. Сегодня Марь никого не забрала. Их дружина выходила не в первый раз гасить прорывы на своей земле, а порою и в землях дружественных родов. Жаль на все версты российские колоколен не наставить, да и колоколов столько не монахам не отлить. Пока только для границ и ставят, где марь стеной стоит.

Вскоре впереди показалась просека и сама станция вешко-перетяжной дороги. Этот удивительный плод науки и светлейшей силы до сих пор будоражил умы простых обывателей. Дубовые щиты с деревянными балясинами, или как принято говорить по-научному, платформы, покоились на специальном станционном помосте. На них и загнали лошадей, и сами ступили, словно на паром.

Эта волшебная езда была дорогим удовольствием, и грамоты на передвижения имели лишь сильные мира сего. Князь Борислав Владимирович Белозерский к таким относился, да еще благоволил к новшеству, как и отец перед смертью. Ник знал, что недавно брат вложил еще несколько тысяч рублей в создание новой линии от Архангельска до реки Печоры. Нынче же дружина находилась на станции Новоонежской в пятидесяти верстах от устья Северной Двины и Архангельска.

Борислав привычно достал из кармана вешковую грамоту, и та осветилась белой дымкой. И сразу три пассажирские платформы, сцепленные меж собой стальными тросами, поднялись в воздух, на высоту человеческого роста. Все с этого момента вешковая дорога заработала. Ближайшая от места свето-силовая вешка потянула сцепку из платформ к себе, затем следующая включалась в работу и тащила на себя, и так далее все призрачные вешки сменяют одна другую, везя пассажиров к нужной станции.

– Все не привыкну я к этой адовой дороге, – проворчал рядом Ярополк Чагин.

Подобно ему в пути некоторые войны опасливо смотрели за края платформы, некоторые и вовсе садились на пятую точку, не рискуя стоять. Скорость была высока, сравнима с бешеной скачкой лошадей на столичном ипподроме, но Нику нравилось. Он привычно стоял впереди платформы, ощущая, как мороз щекочет лицо. Возможно, он бы отморозил себе нос, не будь у него дара. Но светлая сила ощущалась горячим клубком внутри, в солнечном сплетении, с самого детства всегда на страже его здоровья.

Таким образом через час они уже были в Белозерске. Веком ранее это был малый городок в тылу российском, то нынче это был оживленный большой город. Люди бежали от Алой Мари с поморья, ища под крылами осветленного рода защиту. И находили. Первую осветленную дружину встречали как всегда тепло, народ при встрече кланялся, мужики, подбрасывая ушанки, выкрикивали: «Слався княже Белозерские!», женская половина платочками бойко помахивала, а детвора ватагой неслась по снежной улице позади конницы, палками круша воображаемых вымарей. Они дома, наконец.

В прошлом веке после возвращения кремля роду Белозерских, а именно старшей ветви, дед, а после него и отец, основательно расширили детинец, возвели немало построек на славу.

Но конечно самыми почитаемыми оставались древний Спасо-Преображенский собор и Храм Василия Великого. К ним люди в святые дни по сей день текут толпой.

Борислав распустил первую дружину. После чего братья направились в белый двухэтажный родовой дворец. Он был менее помпезный, чем их резиденция в Петрограде, зато более соответствовал вотчине воителей. Прошли по широким ступеням с дубовыми перилами. У входа князей уж встречали.

– Живы, слава Богу, – обняла их тетушка-кормилица и расцеловала каждого. Матрона Олеговна – двоюродная родная тетка между прочим. Некогда в монастырь чуть не ушла после смерти мужа в Алой мари и смерти собственного ребенка. Замуж снова пойти не решилась, зато нашла себя в роли кормилицы деток княжеских.

Тут же с ворчливым приветствием склонился Мирон Казимирович, троюродный дядька, служащий при княжеском дворе казначеем и ключником. Седой брюзга – так его про себя называл Ник. Его крючковатые пальцы постоянно перебирали ключи в большой связке.

Прошка, их дворецкий в своем неизменном табачного цвета кафтане при золотых пуговицах лихо поклонился в пояс:

– Ваши сиятельства, Борислав Владимирович, Николай Владимирович, пожалуйста, ждали вас усердно. Прикажете подавать ужин?

– Вначале истопи-ка нам баню, Прохор, да пошибче, – приказал Борислав, восседая на парчовом пуфе, а пяток служек стаскивали с его ног сапоги.

– Сию минуту будет сделано, ваше сиятельство, – и служка в поклоне помчался выполнять приказ.

– И ужин в столовую прибранную несите! – бросил Николай ему вослед. – Я голоден, как зверь, – добавил брату, – поедем сразу после парной.

Сначала березовые веники в руках банщиков прошлись по телу, выбивая холод и усталость из жил и костей. Пару заходов ледяную купель за порог на мороз, и снова назад в горячий пар. А потом красавицы-девки принялись растирать миртовым маслом их спины, ягодицы, руки, ноги, намяли тело так, что разомлевшие и откушавшие они возлежали в парчовых да шелковых подушках с золотыми чарками в руках. Две девицы припали к ногам барским и теперь массировали княжеские стопы.

Николай довольно щурился, поглядывая на труженицу напротив. На грудь девицы, которая из сарафана только что не выпадает, на щеки пухлые и руки трудолюбивые. Вот так и должно быть, женщинам – место у ног мужских.

– Ты не запамятовал, что я тебе говорил? – отвлек его от мыслей брат. – В Петроград едем спозаранку. Императрица Мария Александровна ожидает нас послезавтра к полдню. Павел все еще не желает перенимать бразды правления. Но Ванька Капричник донес, что видал, как возле юного императора Зосим Вымский вьется.

– Seriously? Печорские суетятся? – нахмурился Николай и покачал головой. – Надо перебить его поползновения. Наша тяжба с шахтами должна закончиться нашей победой!

– Надо. Боюсь, влияние Печорских на Павла может нам аукнуться впоследствии, – Борислав кивнул. – Довольно, ступай, – бросил девушке, и та прекратила разминать ему голень и выскользнула из комнаты.

– Вот лисы плешивые! – возмутился Ник. – Не вышло видимо через императрицу выбить разрешающие бумаги, так они к внуку.

– К слову, раз будем в столице, обойдем подопечные учреждения, – продолжил его брат. – В Смольном нас давно ждут. Мы в числе других покровителей курируем этот институт и обязаны показываться хотя бы раз в пять лет.

– У-у. Меня ожидает невыносимая скука. Хотя... Там должно быть много юных прелестниц.

– Изволь, поосторожней, братец. Там родовитые девицы, они не для твоей гульбы с цыганами по дорогим кабакам.

– Понял, старший.

– Когда ты уже остепенишься, – вздохнул напоказ Борислав, качая головой. – Род продолжать надо.

– А для этого есть ты, – протянул Николай, широко улыбаясь. – Пару лет как женился на Виславе, то бишь крещеной Василисе Густовне, а все никак мне племянничка не состряпаете. Чего тянете-то?

– Не дави на грудь.

– Старайся лучше, иль подучить?

– Схлопочешь, малой, по шее, как в детстве.

Девушка мнет да все не там. Пришлось немного перенаправить ее действия. Девушка даже не заметила или вида не подала, что ее руками уж владеет чужая воля и светлейшая сила. Жаль этот ментальный дар подвластен ему лишь на пару секунд, и то благодаря погрешности поставленного опричниками блока. Но услужница намек все же уяснила, и подобострастно улыбнулась. О да, милочка, здесь мне особенно не хватает твоей женской ласки.

– Ни-ик! – протянул с осуждением Борислав, заметив краткое влияние на служанку. – Какой же ты неисправимый похабник.

– Я радуюсь жизни, Боря. А чего прозябать в целомудрии?

– Архимандрит Феофан тебя искал. Говорит, что ты давно на причастии у него не был.

Да уж брат, так и норовит испортить настрой. Какой же Боря стал серьезный с годами под гнетом власти. А до смерти маленького Вовчика и родителей слыл тем еще весельчаком, кутил похлеще чем сам Николай нынче. А потом все, как отрезало. Родовая печать проявилась на теле брата в день смерти отца. Вот эта ажурная цепь на широкой груди Бори, белесая, словно пятна вителиго. С того дня род перешел под его покровительство. И если двадцатилетний Николай мог забыться в вине и гульбе, то старший брат – нет, никогда более.

Слава Спасителю, что княжеством правит Боря, а не он, Ник. Борислав – лучший имперский князь-защитник северных земель от наползающей призрачной нечисти. Умный, сметливый политик, ответственный и могучий осветленный, один из сильнейших в империи.

 Промик к "Башне Вемовей. Душеспасательница" FaurtztjT

3. Приезд покровителей

- Лапкина, ты что тут делаешь? – от чтения оторвала Раиса Ильинична, учитель по ботанике. Женщина около сорока лет со строгим темным пучком на макушке возмущенно всплеснула руками. – Смотр начнется через минуту. А ну бегом в Белый зал! Скоро уже наши благодетели придут.

- Так начало же в четыре часа по полудню, - чуть нахмурила брови Ася.

- Это кто тебе такое сказал? В три!

Ох уж эта староста Федора Рябова, должно быть снова пошла на поводу у Угарской и сказала не то время. «Попросишь ты у меня еще списать зачетные работы, Дорочка».

- Беги скорее! Ты должна стоять в первом ряду, как на репетициях, иначе Агрофена тебе голову открутит, - последние слова она прошептала, сверкая говорящим взглядом.

Читай между слов: после критичного опоздания благосклонности на экзамене весной можно не ждать, это ясно как день.

Книги собирала в ужасной спешке. Быстро отдала библиотекарю те, которые за пределы его вотчины выносить нельзя. Свою стопку «на вынос» подхватила и бросилась бежать. Она не доставит этим злым дням удовольствия наблюдать собственное отсутствие.

В одном из коридоров на повороте к лестничным маршам Ася отвлеклась лишь на секунду, бросив взгляд в окно. Мельком отметила карету, запряженную четверкой лошадей, на гостевой парадной площадке. Жаль, родового герба не разглядеть, чтобы понять, кто из покровителей института на сей раз появился в его стенах. А ведь и тут Рябова могла солгать, что имен покровителей не знает. Вот уж выдра!

Как раз в этот момент за этими думами она и врезалась во что-то твердое, или в кого-то твердого. Крякнув, отшатнулась и нелепо шлепнулась на пятую точку прямо на натертый паркет. Книги высыпались из рук, но что хуже – слетели очки! Вот беда.

- Прошу покорно простить меня, сударыня. Я оказался весьма неловок. Позвольте вашу руку, я вам помогу... - мужской голос рядом. Приятный, но от этого чувство неловкости только возросло.

Чья-то горячая твердая ладонь коснулась ее ладони, и это было так неожиданно, что она отдернула руку.

- П-прощаю, сударь. Но погодите, прошу, - вышло с толикой досады и мало учтиво, но таков был момент. - Этот день определенно не мой, - проворчала Ася себе под нос едва слышно, шаря руками в округе и не находя очков. Опоздала на смотр, теперь точно. Да где же они?

Сдавшись, закусила губу, потом сдавленно выдохнула:

- Прошу прощения, сударь, вы еще здесь? – вышло прохладно и официально. Пятно перед глазами шевельнулось, выходит, некто еще не ушел, наблюдает. – Не могли бы вы помочь мне найти очки?

- Очки? - послышался мужской голос, несколько удивленный. – Хм, один момент.

Этот нахал принялся копошиться в складках ее юбки, а то и вовсе задирает подол.

- Да что вы делаете! - возмутилась праведно. - Где ваша учтивость? Немедленно прекратите!

- Боюсь, тогда я не найду пропажу, сударыня, - голос явно набрался дерзости.

- Очки точно не здесь!

Вдруг бесстыжие руки схватили ее за талию и приподняли над землей, будто тряпичную куклу. Ася вскрикнула и вцепилась, в общем, это, наверное, были мужские плечи – твердые, надо сказать. От мужчины донесся аромат кедровых шишек и сандала. Это было слишком для нее. Тут уж Ася неожиданно для себя с угрозой прошипела:

- Отпустите меня немедленно! Бесцеремонник!

Послышался характерный негромкий стук об пол. Очки! Упали.

Слава Богу, через секунду Ася ощутила под ногами пол. Хотя бы никто еще не видел ужасной сцены, иначе ее сожрет с потрохами местное женское общество, то еще сборище африканских крокодилиц. Мужчина видимо нагнул и одной рукой подхватил находку.

- Стойте на месте, а то второй раз придется вас поднимать, - иронично предупредил. Вот уж несносный тип.

Ася почувствовала, как он собирается надеть ей очки. Сама перехватила латунные дужки и одновременно коснулась чужих горячих ладоней, снова. Едва стерпела очередной казус.

Собиралась было холодно высказать в лицо наглецу, что она думает о его поведении. Да только мир прояснился. Ася застыла с широко распахнутыми глазами, разглядывая возмутителя своего спокойствия.

Белокурые волосы, зачесанные на косой пробор, чуть растрёпаны, видимо после их столкновения. Пронзительно синие глаза, освещенные легкой насмешкой. «Породистые» красиво очерченные скулы. Идеальной формы губы. Прямой нос. Подбородок отмечен мужественной ямочкой. Лицо, словно высеченное из мрамора греческим скульптором. Взгляд Аси сместился ниже. Мундир светло-серого цвета обтягивал крепкие широкие плечи. Золотые эполеты, ордена, подвески, родовой знак с осетрами и рогатым месяцем, наруч с печатью одаренного и конечно меч в ножнах, источающий белую дымку. Боже! Ослепительный мужчина.

Кажется, она покраснела до кончиков ушей. Пред ней стоял воплощение ее тайных грез. Николай Белозерский, второй имперский князь Белозерский, собственной персоной. Матушка Богородица, стыд то какой! Так что она ему сказала? «Бесцеремонник»? Пеняла отсутствием учтивости? Ася еле удержалась от того, чтобы не накрыть лицо ладонями.

А он просто стоял и с ухмылкой наблюдал за переменной эмоций на девичьем лице.

- Я вижу, вы меня узнали.

- Ваше сиятельство, покорно прошу меня простить, - быстренько покаянно опустила головку юная институтка. Ее пепельные волосы украшала лишь расшитая серебристой нитью лента. Тонкую шею овивала хилая серебряная цепочка. – Молю простить меня и род мой, Христа ради!

- Не стоит, это было даже забавно, - ухмыльнулся в ответ.

Он думал, что мало кто может еще его удивить. Но как оказалось, ошибался. Наблюдать за худенькой девицей у своих ног, неожиданно было... хм, забавно. Вначале он не понял, почему она сидит на полу и руками водит, вставать отказалась. Думал, может какое для него представление разыгрывается, такое уж бывало и не раз. Многие барышни мечтали заполучить его внимание и изошрялись в способах. Тут оказалось, все иначе. Девчонка, видимо, без очков, что крот на свету. Довольно занятный крот.

Он успел рассмотреть ее лицо до того, как надел эти громоздкие очки. Большие глаза в обрамлении длинных ресниц, радужки цвета темной зелени или болотного омуты, слишком тонкие черты лица, губы бледны. На форменном платье приколот значок, изображающий сову с берестяным свитком и звездой.

- Как вас зовут? - он не мог припомнить род с подобным гербом.

- Акси́нья Федоровна Лапки́на, - выдала послушно девушка.

- Что ж, Акси́нья, простите еще раз, что стал причиной вашего падения. Да и за, хм, неучтивое поведение.

- О, не стоит, ваше сиятельство. Это я... торопилась на смотр в Белый зал, была неосмотрительна.

- Я тоже спешил туда.

- Тогда вы спешили не в ту сторону.

- В вашем Смольном и черт ногу сломит, пока найдет нужный выход, - фыркнул, лукавя. На самом деле, просто надо было ехать с Бориславом, как он и рекомендовал, а не нестись сюда самому с опозданием.

Аксинья едва улыбнулась, и Ник поймал себя на мысли, что девушка ему приятна, хоть далеко не красавица. Разве что глаза, – казалось, они берегут какую-то тайну. Жаль, что такие глаза вынуждены прятаться за стеклами очков.

Девушка окончательно пришла в себя, с шепотком «позвольте», быстро собрала книги с паркета, затем выпрямилась, принимая степенный вид благовоспитанной институтки.

- Пойдемте, провожу вас, ваше сиятельство, если вы еще не передумали попасть на наш смотр. А то будете блуждать по нашим коридорам весь день, а дела княжества не ждут. А вам еще Северский отстаивать.

Ник усмехнулся.

- Я гляжу вы осведомлены о делах нашего княжества.

- Газеты пишут, - произнесла она.

Вот что ему в ней понравилось. Сейчас девушка кажется спокойной и даже чуть флегматичной, но это ощущается естественно. Нет наигранной фальши.

Девушка направилась к лестнице, и Ник неосознанно подался следом, будто привязанный. Это насторожило. Уж нет ли у этой худышки дара? Только сейчас он глянул на случайную встречную иначе. На первый взгляд – не освещенная. Призвал остатки запечатанного ментального дара. Только Боря знал, что он видит зародыши даров - стадию светлых коконов, обычно у человека в районе солнечного сплетения. Искра будто какая-то? Присмотрелся внимательнее: ан нет, показалось, девушка пуста.

Но раз эта Аксинья учится здесь, то должно быть родовита. В Смольный институт не принимают иначе.
 - Какой дар у вашего рода? – вопрос сам сорвался с языка.
 - Учётный.

Да-а. Совсем ему не пара. Ник ощутил легкий укол сожаления в душе. Но да печалиться нечего, тут таких Аксиний - целый институт. Да и не жену же он себе ищет, верно? Боже, упаси!

Ник всегда легко воспринимал девушек. Как встречи, так и расставания давались ему легко, играючи. Чувствами он не был обременен никогда, и ту самую любовь, о которой слагают свои стишки поэты, никогда не испытывал. Обычно это его обожали, ублажали, любили. Так что тень восхищения в глазах институтской лани ему не впервой.

Провожатая провела по лестнице, потом коридорами. Ник невольно следил за фигуркой впереди себя. Тонкой, будто хрупкой, как у статуэтки. Не кормят тут институток что ли?

Белый актовый зал располагался в южном крыле здания. С его десятиметрового потолка свисали массивные алебастровые люстры в виде тарелок со свечами. Слева и справа вдоль колонн с коринфскими капителями выстроились в ряды воспитанницы института. Девушки застыли как фарфоровые куклы в черно-белых одеждах, будто и не моргая. А посередине зала красовался брат при белом мундире и княжеских регалиях в окружении начальницы заведения и ее первых приближенных.

Сама начальница, носившая имя Аполинария Львовна Таланова, имела вид обманчиво кроткий, женщина невысокого роста с покатыми плечами и бровями. А вот ее помощница Агрофена Яровая, что стояла по правую руку, напоминала цербера – здоровая, широкоплечая. В черной одежде она смотрелась будто дородный монах в сутане. У рядов воспитанниц застыли с бледными улыбками дамы-надзирательницы, сложив ладони на животе. Учителя в количестве пятерых дам стояли позади у огромного портрета ныне здравствующей императрицы Марии II. Их Николай уже не разглядывал.

На появление опоздавшей парочки повернулись все присутствующие разом, как по команде.

- Николай, - брат смотрел с укоризной.

- Великодушно прошу меня простить! – широко улыбнулся в ответ, подходя ближе.

Последовали взаимные приветствия.

- Лапкина, опоздание неприемлемо! Немедленно... - услышал он краем уха шипение за спиной одной из надзирательниц. Пришлось обернуться и уважить говорящую своим вниманием:

- Девушка опоздала по моей вине. Так уж вышло, что я заблудился в вашей альма-матер, и просил барышню показать мне дорогу.

Надзирательница молча склонила голову.

- Ася Лапкина - одна из лучших учениц нашего института, - промурлыкала Аполинария. – Не удивительно, что именно у нее вы нашли помощь. Думаю, что, если она постарается, то вполне может получить шифр Смольного при удачном прохождении экзаменационных испытаний. Кстати, ваше сиятельство Борислав Владимирович, в этом году у нас появились новые дисциплины...

Смотр продолжился. Шепнув брату, что надо бы добавить денег институту на питание, с удовольствием предоставил далее вести беседу старшему брату, а сам то и дело поглядывал на институтских девиц. Взгляд упрямо помимо воли соскальзывал к одному лицу. В строю было столько ярких пышнотелых родовитых красоток, а он сбрендил, не иначе.

Уходил из Смольного недовольный собой, а еще с таким чувством, словно его обокрали.

И следующим днем он все еще почему-то помнил о худосочной девчонке в очках.

- Ты слышал о роде Лапкиных? – даже поинтересовался у брата, зайдя к тому в Красный кабинет, и отвлекая от дел.

Боря свел светлые брови:

- Не припоминаю таких.

Отполированная ореховая столешница была завалена бумагами. Письма государственной важности, банковские выписки, отчеты и сводные учетные таблицы, жалобы и прошения. Как брат в этом не тонет?

- Давно бы уже парочку учеников принял на службу.

- Пока справляемся с Мироном, - скрипнул пером Боря. - Не желаю впускать в род чужаков.

Припечатав перстнем бумагу с пометкой «Приговор – привязка, Сибирь», Борислав отложил ее в сторону. Ник с любопытством подцепил приказ:

- На кого это ты так осерчал, что пожизненное в наказание ставишь?

- Ведьма из Глуховеевки.

Черно белый рисунок углем в углу листа изображал вполне приятного вида старушку с круглым лицом и добрым взглядом. «Варвара Макаровна Фищук, 61 год»

- Так уж ведьму? – хмыкнул с сомнением.

- На смерть многим ворожила. Около сотни по ее вине в могилах лежат, в том числе малые дети. Есть доказательства.

- Раз так, то конечно, - кивнул.

Брат уткнулся в очередную важную бумагу, а Николай поднял взгляд на семейные портреты в резных позолоченных рамах, какое-то время размышлял, куда дальше податься.

Оставив брата, направился в свои покои. Пришлось повелеть явиться Василию Шилову.

Ближник Васька был и всегда оставлялся лучшим и верным помощником, как говорится, и в войне, и в гульбе. Некогда из дворянских семей, подчиненных роду, избран отцом еще ребенком и допущен к княжеским сыновьям. Будучи детьми и сверстниками, Николай и Василий росли вместе, изучали отдельные науки, махали болванками под приглядом Германа Орлова, учителя фехтования. Вместе гоняли по кремлевским стенам, лихо сигали с них на сеновал и гоняли кур, а в отрочестве еще и подглядывали за девками в бане. Теперь же вместе рубят проклятую Марь.

Как всегда, друг ввалился в его кабинет с лихой улыбкой во все зубы и задал обычный вопрос:

- Чего изволишь, ваше второе сиятельство? Застоялись кони в стойлах?

- Не совсем, - хлопнув друга по шее, заставил того сесть на резную скамью.

Васька выслушал просьбу и крякнул.

- А чего тебе Лапкины? Дорогу перешли что ль? Так мы их, - он покрутил кулаками, с видом, будто скручивает голову гусю.

- Просто найди сведения по роду. Интересует все.

Бумаги легли в ладони Николая уже к вечеру. Что ж, все еще хуже, чем предполагал. Лапкины - захудалый род, которому уж не место в боярских списках. Из последней сотни. Главенствующая семья лишь с одним осветленным – отцом семейства. Шестеро дочерей, и не одной пока не передалась сила. Пять подчиненных семей рода – также без дара. Вывод: девочка приятная, но, увы, не годится ни в жены, ни в любовницы. Для первого не родовита, для второго все же пока боярский род, который трогать чревато для репутации.

«Все, Ник, забудь об этой статуэтке с огромными бархатными глазами. Табу», - велел сам себе мысленно.

- Поехали, Васька, кататься. Запрягай тройку! - отшвырнул от себя бумаги Ник на расшитые гладью диванные подушки и резко поднялся. - Зови цыган! Веселья хочу.

Шилов потер руки и подмигнул.

- Будет сделано, ваше второе сиятельство! Скучно как без тебя было, князь ты мой сердечный!

И друг шутливо потянулся расцеловать его в обе щеки. Пришлось рыкнуть и с улыбкой взбить Ваське русый чуб.

В тот же вечер в одном из родовых особняков Петрограда имели тайную встречу иные личности. Первый высокородный муж властно восседал на родовом троне, точно император, у ног его сгорбившись сидел закованный в цепь невольник с погасшим взглядом, невысокого роста и тонкой кости.

Вошедший гость низко кланялся хозяину и слушал, что ему говорят. А потом и сам речь взял:

- Белозерские распоясались, снова напели на уши императрице свои песни, - ворчал он, сжимая кулаки. – Когда мы уже их с корнем-то, ась?.. Пока их кончать. Уж пять лет прошло, ты ж, государь мой, сам говорил...

- Закрой пасть, Зося, без тебя помню, что баял. Опричники землю роют, что сырые комья летят, возвращаться к одной семье ранее чем по прошествии пяти лет было бы неосмотрительно. Этот молодой и рьяный Семен Иглов, главный опричный следователь по особо важным, далеко не дурак. Но да, хм...

Хозяин потянул цепь так, что сидящий на полу невольник виском ударился о подлокотник трона. Однако крепостной даже не пикнул, только поднял больной взгляд на своего господина, полный обреченности.

– Ты прав, эта пара меня выводит своей живучестью, - меж тем продолжил важный муж. – Подгадаем момент и ударим. Только вот Рождество вначале уважим, что ж, на мне креста что ль нету? И да, Зося, думаю рудники и поселок Северный придется уступить для дела.

- Но..., - возмутился гость.

- Не жмись! - рыкнул хозяин. – Тебе земли потом вернутся, с гаком.

4. Выставка и нравоучения

Спустя месяц.

Выставка поражала взгляды посетителей. Павильоны столичного Манежа, построенного более полувека назад по случаю венчания императорской четы Петра II и Ольги Алексеевны, на пару недель вновь превратились в научный городок. Сказочный рождественский городок. Задрав голову, Ася сначала рассмотрела огромный стеклянный свод, густо украшенный хрустальными бусами, гигантскими снежинками и ангелами. Мягкий солнечный свет играл в их гранях, отбрасывая на стены россыпь затейливых бликов. Цветочные и хвойные гирлянды украшали высокие зеркальные альковы. Под сводом выстроились экспонаты.

- Лепота-а, - вздохнула рядом Таня Марошкина и рванула к научным новинкам.

И Ася была солидарна с подругой в этом ее интересе.

Императрица Мария, хоть и находилась в глубоко преклонных годах, но все еще властвовала. В том числе с ее руки проходили подобные ежегодные выставки в Петрограде. И подруги с удовольствием посещали их при случае.

- Асенька милая, погляди, а что это за чудовище? – Таня потянула ее за руку к странному и сложному механизму, детали которого исходили светлой дымкой.

Ася взглянула на карточку на постаменте:

- «Резо-сортировочный станок. Изобретатель, С.В. Ялый-Конзинский, город Казань».

- А выглядит, как мой самый жуткий кошмар, - Танюша округлила свои серые глаза и рассмеялась в ладонь. Единственная подруга, между прочим. Ростом ее Бог не обидел, и от того Таня часто слегка сутулилась, но при этом оставалась милой и непосредственной. В этом они с Софкой - два сапога пара. Усадьба Морошкиных находилась в пяти верстах от родового дома Лапкиных. И две семьи время от времени навещали друг друга. Так эти две девицы с самого малства при встрече искрили затеями так, что летом всех матушка криком во двор выгоняла. Мол, играйте там, дети, а то у нее уже мигрень начинается. С Асей же Таню сближало их обоюдная охота до всего нового и интересного.

А станок и впрямь напоминал железного хруща, лапы которого увенчивали пилы.

- А это что?

Внимание девушек привлекла мелкочаеистая клетка с тоненьким стержнем внутри, тоже едва источающим светлый парок. Карточка гласила: «Мухоманка».

- Хм, нам бы такую в нашу Плюховку к бабуле, мух да гнуса там по лету тьма тьмущая. Ветром с болот комаров приносит, жуть. Пойдешь с ухажером прогуливаться, а они гады роятся, всю романтику портят. Эх. Лучше бы марь не птиц, а насекомых ела. Комаров, например.

- Она родственников не трогает, - хмыкнула Ася.

- Ну да, та еще кровопийца. Боже милостивый, скорее наконец отведи от нас эту беду!

А беда еще ползла.

Алая Марь пала на Землю в 1714 году спустя месяц после победы наших над шведами в Гангутском сражении. Это явление описывалось, как внезапное покраснение неба. Тысячи «хоботов», извергающих призрачных тварей, сотни тысяч погибших в одночасье. После сытного схода, Марь замедлилась и почти застыла на год. Но потом продолжила свой ход. Британские острова да Японские в алой кисее оказались за какой-то десяток лет. С юга - западную часть Китайской империи и Персию полонила версту за верстой. Кабы не монахи Болотов и Рачев, что под эгидой императорского рода Романовых изобрели осветленные колокола, так уж давно бы все сгинули в Мари.

Россия выстояла. Хотя пока цепь не выставили на главных фронтах, Марь значительно объела южное пограничье. Так давила, гадина, забрала всех, кто не успел уйти вглубь империи.

Что тогда творилась! Хуже черной смуты. Но Петр I на то и Великий, что сумел удержать и власть, и империю. А уж когда светлые дары от Духа Святого сошли на рода, тогда, наконец, воспарял народ.

Нынче громко газеты кричали, что мы отодвигаем напасть, но по факту Алая Марь так полностью и не остановилась. Просто теперь ее напознанное стало малозаметным. Общество, особенно в столице, громко радовалось малым победам, гуляя на балах. А монахи да простой люд незаметно продолжают ценою жизни держать заслон. Родовые осветленные дружины – вот еще кому поклон в ноги. Пусть хранит их Господь.

- Слышала, говорят, сама императрица собирается посетить выставку! Вот бы хоть глазком на нее вживую посмотреть. И на соколушку бы ее. И на молодого Павла Михайловича.

Так за разговорами они и прогуливались от зала к залу. Даже встреча с Марфой Поздевой и Златой Торчук в окружении толпы поклонников не испортило впечатления.

- Мой тебе дружеский совет. Ты бы Лапкина не бегала там, где высокородные встречаются, - ядовито пропела лилейным голосом Марфа, сблизившись. – Не заметят такую бледность и задавят ненароком.

- Да она полагает, раз разок князя до зала довела, то теперь у нее шанс на удачное замужество, - хохотнула Злата, сверкнув ненавистным взглядом.

- О, сударыни, к чему так волноваться. Девушкам, особенно малородным, свойственно строить воздушные замки, - вмешался один из поклонников, видимо пытающийся угодить двум змеюкам. Глаза его презрительно прошли по Асе, остановившись на ее родовом значке. Курносый нос поморщился.

Ася придержала за руку, дернувшуюся было Танюшу, и скучающе вздохнула:

- Прошу вас, господа, не волнуйтесь так больно о моей судьбине. Но да мне приятно ваше особое внимание. Раз вы просмотру интереснейших экспонатов предпочли общение с нами.

От ее спокойного вида Злату аж перекосило. В общем, этот разговор очень скоро наскучил как самой Асе, так и компании молодых людей, и они разошлись по сторонам.

- Какие у тебя неприятные знакомые, Ась, - смотрела вслед им Таня.

- Высокородные дети из института, - произнесла так, как само собой разумеющееся.

- А что за князь, которого ты якобы провожала? Врут?

Подруге врать не хотелось. Пришлось пересказать вкратце тот инцидент в день приезда благотворителей.

- Ого! – восхищенно выдохнула Марошкина, округлив орехового цвета глаза. – Сам князь Белозерский? Ты не шутишь!?

- Второй князь.

- Да какая разница! И ты молчала!

- Вот именно, Тань, никакой разницы для меня, - фыркнула в ответ. – Случай пустой и ничего не значит.

И не меняет. И то, что сама Ася по сей день вздыхает перед сном, вспоминая каждую проведенную секунду рядом с Николаем Белозерским, тоже глупость несусветная.

Танюша намек не поняла и трещала еще пять минут о том, как Асе повезло встретить имперского князя, пока сама Ася не попросила настоятельно сменить тему.

Зал «Звездный бует» находился в некотором отдалении от всех остальных. Он заставил Асю забыть на время обо всем. Высокий потолок здесь был темен, а в нем на высоте горели маленькие лампадки – вид складывался, будто над посетителями ночное небо, и Луна - большая белая тарелка.

Это было... почти чудесно. Ведь звезд человечество не видело уже сотню лет, как и ясного голубого полуденного неба. Опостылевшая охряная пелена затянула небосвод. И хоть она была тонка в центре империи, - солнце светило по лету ярким пятном, - но ее хватало на то, чтобы перекрыть обзор на истинное небо.

Ася улыбалась, глядя на «звезды». Шумел приятно фонтан в окружении лимонных деревьев в вазонах. Таня Морошкина нагнулась и набрала минеральной воды, подведя под тонкую струю бюветницу, расписанную под гжель. Отпила с носика.

- Приятная водичка, сама попробуй - поделилась подруга. - О, Шишковы тоже тут! Надо бы поздороваться, - в просвете порталной арки выхода из зала подруга увидела общих соседей по усадьбам.

- Ты иди, я пока тут побуду.

- Думаю, Егорка Шишков был бы рад тебя видеть.

Да, Егорка – сын графа Соломина, наверное, единственный парень, который интересовался Асей и готовый говорить часы напролет с ней. Такой же худой, в очках еще большего размера, чем у нее, парень так же любил книги и глотал их сотнями. Разница только в том, что сама Асю интересовали более приземленные науки, а вот Егорку – частенько манило нечто внеземное, мало применяемое к жизни. Он глотал фантастические романы, и часто повторял, что Алая Марь – лишь слуга более сильных захватчиков с дальних планет, которые явятся, когда Марь захватит Землю полностью. Возможно он и прав, но подобные речи утомляли Асю.

Присев на бортик из белого мрамора, она набрала в свою бюветницу воды. Та оказалась теплой и на вкус чуть солоноватой, щекотала язык и щеки. Как же хорошо, что этот «Звездный зал» находится в отдаленной части Манежа. Тут тихо и можно спокойно помечтать.

Интересного на выставке было немного в этом году, однако все равно нашлось во что вложить рублевые суммы рода. Иногда Николай откровенно скучал. Вот и сейчас лениво посматривал на невысокого осветленного мастера с пенсне на одном глазу, деловито представляющего новинку Бориславу и Василисе. Похоже, расчёска у мастера была не в чести, поскольку его соломенного цвета волосы стояли торчком.

- Вам, дорогие сиятельные князь и княгиня, подарок от меня. Вот такая моментальная записная.

- И что в ней, Игнат? – брат со скепсисом оглядел книжку.

- Ага, не чувствуете, ваша светлость. Нет? То-то и оно! И не почувте, - улыбнулся довольно изобретатель. Осветленный Игнат Степанович Савельков славился своими изобретениями и многие из его работ уже перекочевали во владения князей Белозерских.

Ник через братово плечо бросил взгляд на «диговинку», которая на это звание никак не тянула. Обыкновенная записная, желтые листы в кожаной обложке.

- А вы поглядите, мил судари, - Игнат ловко одну книжку разделил на две тонких. Первую передал Боре, вторую раскрыл белым разворотом. Подхватил перо из чернильницы с ближайшей стойки и принялся писать на бумаге, судя по всему стандартное приветствие.

Борислав усмехнулся, смотря как проступают письма на образце в его руках:

- Это же...

- Именно, мой князь. Эти книжки передают письма друг другу на расстоянии.

- И каково это расстояние?

- Не замерял, но думаю тысяча верст точно выйдет.

А вот это уже неплохо, подумал Николай. Берем!

Княгиня Василиса Густовна интереса к разговору так и не проявила. Жена Борислава демонстративно отвернулась и глядела на себя в зеркальце в россыпи драгоценных камней с белым дымком, которое недавно купил ей брат. Светловолосая с голубыми до бледности глазами, она была по-своему красива, как могла бы быть красивой ледяная статуя. Богато одетая статуя. Княгиня Вислава (ну так и не шло ей имя русское Василиса, хоть убей) предпочитала лишь велюр и шелка, алмазы и рубины. И как бы ни одевалась ярко, а все равно оставалась заносчивой стервой. Сколько они после походов ни возвращались, встречать мужа у порога она так и не соизволила ни разу. А то, как поначалу пыталась залезть к нему, Нику, в постель

– говорило о ее гнилой натуре. И ведь не по нраву ей никто, просто раскол межродовой себе на потеху желала устроить.

Зря брат позарился на выгодное брачное соглашение с богатым польским родом. Взял бы лучше девицу из имперских родов, давно бы уже счастливо детей нарожали. А с этой у него ладу не быть.

Мысленно фыркнув, Николай отвернулся. Жаль Шилова отпустили к свадьбе готовиться, скучно без Васьки. Прикидывая сколько еще залов в анфиладе манежа осталось к рассмотрению, повел взглядом по головам посетителей и вдруг... узнал знакомый тонкий силуэт вдали. Девушка, а именно та самая институтка Лапкина в сопровождении компаньонки переходила в один из залов. Шепнув брату, что найдет его позже, Ник открепился от своих и направился следом за той, которую почти забыл.

- Кого я вижу! Белозерский, ты ли? – послышался слева ехидный голос, когда он уже преодолел большую часть пути и приостановился, чтобы пропустить пожилую чету. У столбиков с развешанными тяжелыми тросами стоял черноволосый франт с чуть раскосыми глазами.

- Чего тебе, Кердышев?

Знакомец из военного училища осветленных не был добрым, скорее наоборот. Княжич Смоленский. Сколько Ник помнил свое пребывание в стенах училища, этот парень постоянно набивался к нему в друзья, а как дружбы не вышло, так лез мериться победами да успехами, родовыми иль на любовном поприще. Однако превзойти не мог, вот и злился, бедолага.

Эта манера Дениса надевать сюртук такого кроя, чтоб тот расширял плечи, как кавказская бурка – еще тогда смешила половину училища. Увы, все Кердышевы в роду невелики и сухощавы, как хворостины из одной щетки. Хотя не последние осветленные, это надо признать.

- Да вот решил узнать, как дела у северных? Марь еще не сожрала всех?

Вот выдрин сын. На смерть семьи намекает.

- Подавится. А ваши все так же в тылу и сидят? Советую, Деня, разминаться, хоть иногда. Гибкость важна, чтоб не сломаться, когда гнуть будут, - с улыбкой фыркнул Ник.

Кердышев улыбнулся, иль скорее оскалился. Проглатывал шутку с трудом, и по всему ответ колкий готовил, но да Николай вновь заметил, как край синего платья мелькнул и исчез за поворотом.

- Ладно, бывай! – мимоходом хлопнул бывшего сокурсника по плечу. С этого момента он уже забыл о Смоленском. «Да наша дружина знаешь в каком походе была? Эй, Белозерский! Мы еще не договорили...» – брошенное ему в спину, даже не услышал.

Двигаясь дальше и отвешивая короткие поклоны знакомым, Николай так и не смог ответить себе, зачем вообще идет за малородной институткой. У девицы Лапкиной ведь даже груди нет. Или есть? Эта мысль заставила его запнуться на гладком паркете.

Он нашел девушку сидящей на бортике белокаменного фонтана, парящего и пахнущего не особо радужно. Минеральная вода не входила в число любимых напитков Николая. Но в этот раз князь готов был смириться с неудобством и войти в сумрачный зал.

Аксинья, или Ася, так помнится ее звали в институте, задумчиво глядела на темный в лампадах свод и потягивала из белого поильника воду. В зрачках девушки отражались огни. И кажется никого более не замечала. Мысленно усмехнулся. И чего крадется, как тать, спрашивается? Хотел определиться, что смотреть-то не на что, и вон пойти. Так определяйся, чего медлить?

- Ваше сиятельство, наше великое почтение! - черт возьми вездесущих посетителей. Пожилая чета, судя по родовым знакам из Ярославских, вывернула из алькова. Лица незнакомые, но пришлось приветствовать. Старики с полминуты пятилась к выходу, поглядывая на него, пока не покинули зал.

И конечно, девчонка его заметила, поднялась с бортика фонтана. Глаза на худом лице за стеклами очков казались большими и вновь цепляющими.

- Ваше сиятельство, позвольте вас поприветствовать, - первой поклонилась девица, как и должно. На вид спокойна, собрана и доброжелательна. От стеснения – толика.

- М-м, Акси́нья Лапки́на, - сделал вид, что вспоминает ее имя. – Вижу вас тоже привлекла сия выставка. Ник скривил губы в легкой улыбке и едва кивнул. Ровно так, как с его высоты полагается приветствовать малородную.

- Да, вы правы.

- Может, объясните и мне, что вас так заинтересовало. Там, - он возвел очи, указывая направление.

А вот тут удивление проявилось, и темная зелень ее глаз налилась таинственным теплом.

- Созвездия, ваше сиятельство и Луна. Небо, как встарь. Красиво ведь.

Оглядев черным крашеный купол и кучу фонарей, скептически хмыкнул.

- Вам не нравится? – спросила, заметив, что он опустил взгляд.

Почему же. Ему, пожалуй, нравится. Эта юная худышка, у которой грудь все же есть, хоть и небольшая.

- Знаете, - он приблизился и взял под локоть девушку, которая на пару секунд опешила от его действий. – А расскажите-ка мне о созвездиях, Ася. К слову, давно о них ничего не слышал.

И он не лукавил. Астрономия в училище его не интересовала. Скажем так, когда другие считали звезды на картах, он считал ворон, раздумывая о видах призрачных мечей. А еще чаще – прогуливал уроки, которые считал бессмысленной тратой времени.

Акси́нья Лапки́на взглянула на него серьезно, словно высматривая за душой именно этот грешок. А потом послушно принялась рассказать, вытянув тонкий пальчик с аккуратным розовым ноготком.

- Вон там Большая медведица.

- Позвольте, - качнул головой. - Можете дать более четкие ориентиры?

Чтобы понимать, о чем речь, пришлось еще приблизиться к девушке. Само собой – для подходящего ракурса.

Николай довольно улыбнулся. От Акси́ньи приятно пахло зелеными яблоками.

- Вот же она. Видите, большой ковш?

- Ковш? Хм. Кто сочинял названия созвездиям должно быть медведя никогда не видел.

- Вы правы, - она благосклонно кивнула, – представить из ковша медведя непросто.

Астрономия снова ускользала мимо его ушей. Такая уж у нее судьба. Он скосил взгляд на пепельные завитки волос, лежащие на плече девицы. Затем на маленькое узкое ушко, шею, белоснежную кожу, по которой выются тонкие голубые венки. Нырнул в кружевной ворот синего платья. И ведь снова - ничего особенного, далека от идеала. Но да плевать, он устал гадать, что его так цепляет.

- А там Орион в виде гигантской бабочки... Полярная звезда в Малой медведице...

- Вы много знаете о созвездиях, - произнес с хрипотцой.

Девушка обернулась, и несколько мгновений они смотрели друг на друга. Николаю показалось, что снова видит в ее глазах то самое затаенное восхищение его персоной, которое усмотрел еще в институте в их первую встречу.

- Да. Наверное, глупо мечтать, - поделилась она. - Но я бы хотела хоть одним глазком посмотреть на небо без Алой Мари.

- Слишком высокие у вас мечты, - усмехнулся он и пожалел о том.

Ася одернула себя и даже забавно нахмурилась. Вновь воззрилась в потолок:

- Мы остановились на Кассиопее. Она в виде большой буквы «М», вот там. Помните, кто такая Кассиопея в греческой мифологии? Это жена эфиопского царя Кефея, матери Андромеды. Согласно одной из версий мифа, за своё хвастовство Кассиопея была привязана к креслу,

сядя на котором, обречена кружиться вокруг Северного Полюса, переворачиваясь головой вниз.

- Погодите, - остановил девушку. - Кассиопея пусть еще повесит немного. Мне нужно кое-что узнать от вас, - его рука властно легла на талию собеседницы, разворачивая Асю к себе. И... как неожиданно приятно ощущать гибкий девичий стан под ладонью.

Улыбнулся той особенной улыбкой, которая обычно разила женский пол наповал. Тут главное успеть после подхватить на руки разомлевшую красотку, и привести в чувство поцелуем.

Глаза Аксины еще больше расширились, а маленький рот приоткрылся от удивления, и кажется она просто замерла, усваивая свое новое положение в мужских руках. Как же эти очки хочется сбросить! Он коснулся душек, параллельно легко проведя пальцами по нежной коже щек. Потом легко поддел очки у убрал в сторону.

- Что опять вы делаете! Зачем? – в недоумении возмутилась, слепо ухватившись за него. Худые ладошки коснулись его груди, и это тоже было приятно, вымарь дери. Большие распахнутые невидящие глаза в обрамлении ресниц сверкнули мятежно:

- Верните очки, пожалуйста. Что за шутки, ваше сиятельство? – голос вразрез мелькнувшим в лице эмоциям оказался уже спокоен.

А он поймал себя на мысли, что ему ужасно хочется целовать. Ощутить вкус маленьких губ, и почувствовать биение крови в жилке у виска под своими пальцами. А еще добиться от этой умницы больших эмоций. Ярких и взаимных...

Однако не решился. Просто вернул очки.

Когда Ася стала видеть, то уставилась на него строго, ну точно, его первая учительница по словесности. Хотела было отстраниться, но он не дал. Протянул руку и сорвал маленький цветок с лимонного деревца и протянул ей. Пять белых на вид словно восковых лепестков, желтые тычинки.

- Просто у вас красивые глаза, Аксиныя, - произнес с обезоруживающей улыбкой во все зубы.

Девушка Лапкина сощурилась подозрительно, а потом ее правая тонкая бровь выгнулась дугой.

- Вы уверены, что здоровы, ваше сиятельство? – поинтересовалась она с толикой иронии, хотя розоватый цвет щек выдавал ее смущение. – Или, знаете, я читала: пары минеральных вод могут влиять на некоторых нестандартно.

Вот чертовка! А как же упасть в объятия от его безмерного обаяния? Но хотя бы «бесстыдника» не поминает, не вырывается с криком, и то добро.

Цветок лег в ее ладошку.

Он собирался сказать главное, что хотел, но послышались тяжелые шаги нескольких человек сразу. И спустя мгновение в зал вошли Белозерские, во главе с первым князем.

- Николай!

Заметив посетительницу рядом с братом, Борислав сдержал крепкое словцо:

– Ее величество вдовствующая императрица Мария Александровна ожидает нас в главном зале.

Читай между слов – мать твою, где тебя вымарь носит!

Институтка Лапкина мгновенно отстранилась и склонила голову в поклоне перед высокородными.

В голове Ника прояснилось. Да, определенно его чуть было не занесло.

- Прошу меня простить, Аксиныя, кажется, я несколько отвлекся, - коротко кивнул, отступая на пару шагов от малородной.

- Благодарю вас за увлекательную беседу, - ровный ответ от нее и снова поклон.

За пределами «Звездного» Белозерские направились в сторону главного зала Петроградского Манежа. Николай широко шагал рядом с Бориславом.

- Кто она? – ожидаемый вопрос.

- Акси́нья Лапки́на.

- Номер рода в списке? – было бы странно, если бы не спросил.

- В последней сотне они.

- Девица не составит тебе достойную партию, - уверенно вынес вердикт Боря.

- Да знаю я! – рыкнул в ответ.

- Тогда не бери грех на душу, не склоняй в полюбовницы юную девчонку. Не дури ей голову!

- Ты прав, - поджимая губу и холодея взглядом синих глаз, ответил Николай, спустя несколько секунд раздумья.

- Обещай, что не приблизишься к ней со непристойным предложением. Нам лишь междоусобицы не хватало.

- Даю слово, - фыркнул. - Девица Лапкина в полной безопасности.

Бросив на младшего брата тяжелый взгляд, первый князь Белозерский одобрительно кивнул.

Заметив новых посетителей, двух девушек и пожилую даму, Ася сделала вид, что заинтересована дальним углом зала, на самом деле переводила дыхание и справлялась с эмоциями. Рядом с князем последнюю четверть часа она с трудом дышала, и потому сейчас осторожно ловила ртом воздух.

И что это было? Цветок лежал в раскрытой ладони.

Созвездия-то понятно, возможно Николай Белозерский на самом деле восхотел восполнить пробел в познаниях астрономии, но вот далее. Он на самом деле проявил к ней интерес... Ася до сих пор ощущала касание горячих пальцев на скуле. И тепло ладони на талии. Помнила свои чувства беспомощности и остроты его близости, когда он снял очки. Боже!

Прошло несколько минут, прежде чем в голове заговорил разум голосом батюшки: «Не теряй головы, дочка. Человеку дано мыслить логически и абстрактно. Просто хорошенько подумай».

Так что, если последовать совету отца, то... ничего особенного не произошло. Похоже, князь так выражает себя. Он высокородный, таким многое дозволено. Наверняка спутал ее со своими подружками. Он же не знает, как на нее действуют этакое его свободное поведение. Надо было быть более осмотрительной и аккуратно напомнить Николаю о правилах приличия. Похоже он не только астрономию не усвоил. А она стояла почти в его объятьях, принимала внимание и таяла.

Ася закусила губу. Моменты из беседы продолжали вставать перед внутренним взором. Ясные и яркие глаза, холеное лицо молодого мужчины. Сегодня светлую голову Николая украшал золотой княжеский обруч – тонкий, второго князя. И эта улыбка на губах ослепительная. А потом комплимент и цветок. Ох.

Боже, да разве она могла предполагать, что столкнется с ним вот так снова. Да у нее еще после прошлого столкновения мозг еще с «бекреня» назад не вернулся. Сколько ядовитых высказываний от завистливых институток услышала, – от Карины Угарской так почти в стихах, – прям-таки гордость берет. Сегодня вот Злата Торчук вновь припомнила. И еще не скоро все успокоятся. А если серьезно – то шанс получить в спину сгустком силы увеличился многократно. Высокородные девицы в институте почти все освещенные уже.

- Ты видела. Это же были Белозерские! – донеслись до нее восторженные девичьи возгласы. Чуть ли не пищат от радости. Настроение пошатнулось и принялось быстро оседать,

как пенка молока, после кипения снятого с огня. Ведь реальность не изменилась, и она такова – никогда, ни при каких обстоятельствах Белозерские не породнятся с Лапкиными. «Князь потешится и уйдет, а тебе вздыхать останется».

- Ася! Я кричу тебе, а ты не слышишь, - голос Танюшки прорвался сквозь туман раздумий. - Пошли скорее, там императрица! К народу сейчас выйдет, с речью. Шишковы тоже туда отправились. Бежим же, давай, не спи на ходу!

Вначале Ася с трудом переставляла ноги, следуя за подругой, а потом-таки пришла в себя. Разум перекрыл голос сердца. Лимонный цветок был аккуратно спрятан на груди. А о Николае она вспомнит вечером. Вечером!

И все же первым делом, когда присоединилась к толпе подданных, она отыскиала взглядом всех белокурых мужчин и убедилась, что Белозерских тут нет. Большой зал был оцеплен охранниками императорского двора, среди которых встречались и смотрящие из опричников, выделяющиеся черными кафтанами.

Императрица Мария Александровна восседала на троне. Несмотря на свой очень почтенный возраст эта пышнотелая старушка властно оглядывала подданных. Она была экстравагантно одета в черное платье с высоким кружевным воротом. По груди ее вилась алая розовая ветвь. Так что со стороны можно было подумать, что Мария Вторая ранена в грудь. С левой стороны от нее на позолоченном подлокотнике горделиво выпячивал грудь белый кречет - редкая сохранившаяся хищная птица из семейства соколиных. Когда-то такие летали очень высоко в небе, и были при охотниках ловчими. Головку птицы украшал золотой султан с коротким страусовым пером. На груди птицы висела медаль с родовым гербом Романовых - червлёным грифом, держащим золотые меч и щит, в окружении восьми оторванных львиных голов. Кто читал имперские вестники, тот знал, что кречет императрицы женского рода и звали ее Белая Тайга.

Ася вместе с Таней Морошкиной разглядывали из задних рядов венценосную особу и делились шепотом впечатлениями. Для сегодняшней встречи Мария предпочла малую корону из белого золота с изумрудами и холодными алмазами. Императрица была в преклонных годах и говорила, не спеша, справляясь с одышкой, однако голос ее еще был достаточно силен, и порой пробирал до мурашек. Ведь дар Романовых – умение призывать и сплочать народ.

- ...Ежегодная выставка «Невероятных изобретений» снова открыла свои двери для всех желающих приобщиться к науке. Сорок семь изобретателей нынче порадовали нас своими экспонатами... По доброй традиции род Романовых готов вознаградить за труды самых лучших из лучших. Тех, что вносят свою лепту в научное развитие Российской Родосветной империи и приближают час освобождения всего мира от Алой Мари... Прошу вас подняться для вручения наград.

Десять изобретателей один за другим поднимались на помост, застеленный зелеными с золотым шитьем коврами и получали патенты и ленты на грудь.

Увы, юный император Павел к народу нынче так не вышел, что жаль. Но за спиной императрицы застыл дородного вида мужчина с пышной смоляной шевелюрой и орлиным носом. Гордо подняв подбородок, он почти не отводил взгляда от Марии Второй. Его заметила не только Ася.

- А кто интересно тот почтенный муж, что рядом с императрицей? – полюбопытствовала Танюша. Но Ася лишь пожала плечами. Послышалось знакомое стеснительное покашливание. С другого бока к ним оказывается подошли незаметно Шишковы. Чета соседей - Геннадий Львович и Светлана Романовна. И их единственный сын Егорка сразу же блеснул знанием:

- Это известный осветленный Лейб Горациевич Гринцбург, Таня. Между прочим, живо-творец. Врачует Марию Александровну. Пусть будут долгими ее годы, – такой он важный

сегодня. В костюме тройке и при бабочке Егор поднабрался солидности и смотрелся на несколько лет старше. Отвечал он Тане, но сам смотрел на Асю, должно быть по привычке.

- Животворец?! – ахнула Танюшка и с еще большим интересом уставилась на мужчину.

Странно, что о Гринцбурге не писали в газетах. И вообще о животворцах почти ничего не известно в народе, кроме того, что они - очень редкие осветленные, и у них единственных нет единого рода. Эти одаренные рождаются, как альбиносы в любом роду. Поговаривали, что самые сильные из них могли и мертвого из могилы поднять. Такая вот силища. Да только на всю Родосветную их по пальцам одной руки можно сосчитать.

Прощальная речь отзвучала, и императрица покинула зал под руку со своим животворцем. Напоследок Ася припомнила, что Марии Второй ни мало ни много девяносто восемь лет уже. Будет очень жаль, если Господь скоро призовет ее к себе. Родосветная точно обедняет без такого активного политического деятеля как она.

Егор Шишков пристроился сбоку и проводил подруг сначала к гардеробной, затем к коляске. Ася уж была готова стойко выслушать очередную гипотезу о параллельных вероятностных мирах или об инопланетных захватчиках, о нераскрытых свойствах Мари, в конце концов. Но друг был задумчив, и все больше молчал. А потом при прощании очнулся:

- Я хотел сказать тебе кое-что, Ася, но уже в другой раз, - потер веснушку на носу.

Смешной. Ася улыбнулась. К Егорке она тепло относилась, почти как к брату, правда немного занудному. Он поклонился важно и взмахнул рукой напоследок. Дар у рода Шишковых тоже был невеликим, но востребованным, – дар сосредоточения. Они относились к дворянскому роду, но в отличие от Лапкиных, не бедствовали. И благодаря тому, что старший Шишков работал на Романовских литейных заводах главным пусковым проверочным, в списках родов они стояли прилично выше.

*

Уже у себя дома Ася в опочивальне выложила лимонный цветок в рюмочку с чистой водой и поставила оную на прикроватный столик. Завтра заберет в институт. Определенно, с цветком она не расстанется, даже в виде гербария.

- Что это у тебя там, - любопытствовала глазастая Софка.

- Цветок, – подошла Машуля, продолжая заплетать на ночь косу.

- Неказистый такой, – присоединилась Катя, - зачем он тебе?

- Взяла на память о выставке.

Ответ, как и сам цветок, не вдохновили девчонок, и они быстро потеряли интерес. И вскоре улеглись по своим кроватям. Вот и славно.

Вскоре свечи погасили. Ася лежала и глядела в тьму за окном. Беседа с князем сейчас казалась ей сказочным сном, радужным и невероятным. Из другой жизни. Ася была уверена на сотню процентов, что подобных снов больше не повторятся. Николай понял свою ошибку:

«Прошу меня простить, Аксинья, кажется, я несколько отвлекся». Более отвлекаться на малородную он не станет. Будто в подтверждение ее думам за окном тихо запела вьюга.

5. Разбитое зеркало

Спустя три месяца.

Заслышав стук копыт, княгиня Василиса Белозерская, в девичестве Вислава Потоцкая, перестала смотреть в ручное зеркальце, где ее лицо представлялось верхом красоты. Величаво прошествовала к витражному окну и, сдвинув бархатную штору, выглянула. По мощеному двору к главным воротам детинца двинулся малый отряд – оба князя в облегченном боевом облачении и всего семь охранников из дружинных. Очевидно, не на сечу с Марью, а жаль.

- Муженек отбыл, – скривила губы презрительно Вислава: - Wynoś się!*

В голосе проявлялся акцент.

- Вам надо привыкнуть к житью здесь, - равнодушно откликнулся ее личный слуга Бартош, ну и изредка – юный любовник для утех. Лишь при нем княгиня могла выговориться, и лишь от этого мальчишки терпела панибратское отношение.

Тот сидел на коврике на полу, прислонившись к боку большого медного сундука, украшенного самоцветами. В руках юноша вертел золотое перо, которое сегодня Вислава ему бросила в подарок, оно в основном и владело его вниманием. Бартош приехал с госпожой в числе сопровождающих ее слуг из родового замка, того, что близ Кракова, и с разрешения Белозерских был оставлен служить при княгине, как и служанки Мелька с Каськой, что сейчас чистили хозяйские сапоги на заднем дворе.

Далее Бартош и Вислава говорили на польском:

- Ненавижу морозы, ненавижу русскую речь! Белозерский опостылел. Детей ему подавай. Мне фигуру портить в мои-то годы!? Ненавижу! – шипела сквозь губы госпожа.

- Простите, ваше сиятельство, но вы повторяетесь, - хмыкнул Бартош. – Вы вошли в чужой род и обязаны стать княгиней матерью. Смиритесь.

- Да я достаточно уже потрудились. Так он мне – лекаря с микстурами, пить всякую дрянь, - княгиня махнула ручкой в сторону резного трюмо из красного дерева, на котором выстроился ряд стеклянных баночек с темной жидкостью. На каждом из флаконов стоял отпечаток Петроградской аптеки.

- Лучше б он сдох. Домой хочу! – в сердцах Вислава взмахнула зеркальцем, и то выскользнуло из ее рук и упало. Послышался треск стекла.

По яшмовому полу разлетелись зеркальные осколки. Вислава топнула в сердцах.

- Из-за него и зеркало разбила!

За дверью покоев княгини стояла маленькая полноватая служанка в служебной форме при белой косынке. Приложив ухо к двери слушала беседу, и когда послышался звон, отпрянула. Затем поторопилась по коридорам, пока не прибыла к комнатам княжеской кормилицы.

Осторожно стукнув, позвала:

- Матрона Олеговна.

Дверь отворилась спустя несколько секунд.

- Рассказывай, - властно велела хозяйка комнат, приглашая служанку войти. – Чего это ляхова кукла снова творит?

 * Wynoś się! - Убирайся! (польск.)

За два месяца уж много воды утекло, в прямом и переносном смысле – начало весны как никак. И Николай уж не вспоминал девицу Лапкину. Ну разве что пару-тройку раз. Еще он ее как-то видел, когда ехал по Невскому проспекту в родовую резиденцию.

Девушка стояла в числе других зевак в сквере у высокой тумбы и смотрела на афишу Большого Михайловского театра. Та обещала вскоре на подмостках оперу «Оберон», Карла Вебера. Мартовский упрямый ветер раздувал подол тонкого серого пальто, а фетровая шляпка

в виде малого кокошника мало что прикрывала. Помнится, он вначале велел возничему остановиться, затем сменил распоряжение на «езжай медленно». Ася подозвала мальчишку разносчика и купила свежий «Вестник». Последнее, что он успел увидеть, проезжая мимо, это как Лапкина поправляет очки и рассматривает заголовки статей. На том все. Раз обещал брату, то он свое слово сдержит, и к малородной более никогда не подойдет. Да и пройдет это прилипчивое увлечение. С глаз долой из сердца вон, недаром говорится в народе.

«Прощай Ася Лапкина, - думал Ник в тот момент. - Найди хорошего парня, обвенчайся, нарожай ему детей. Кому-то другому будет принадлежать этот взгляд, похожий на ночное небо с тайными звездами».

А род – это святое. Дела у Белозерских шли довольно хорошо. Артефактные карты, предсказали еще четыре прорыва, как и положено, заблаговременно, а именно за неделю до оных. Так что дружины в рабочем порядке выезжали на нужное место и гасили набег без особого труда. «Хоботы» исторгали вымарей меньше, чем обычно, и в дружине даже кто-то пошутил: «Не слабеет ли старуха Марь?».

А как только основная вода половодья спала, продолжилось строительство новой линии вешко-перетяжной дороги, пришлось выезжать на место установки вешек, приветствовать осветленного мастера и его артель.

Еще одно событие произошло весной – Васька, наконец, женился на своей пышнотелой боярышне Дарье Сумской после Великого поста. Если первый князь Борислав поздравил новобрачных и отбыл по делам княжеским сразу после венчания, то Ник отгулял пирушку до утренней зарницы, тосты поднимал, новобрачных славил и одаривал. А до того имел весьма строгий выговор от архимандрита Феофана – умиротворенного и благовидного старца в рясе.

- Никола, не шали! Чтобы пришел ко мне в следующую субботу, - вновь давил на совесть святой отец. Да помнит он, что каяться и причащаться надо чаще.

- Хорошо, дядь Фаня.

- Были бы живы твой отец и мать, они бы не допустили такого разгильдяйства.

- Так кабы только живы были.

Феофан лишь укоризненно покачал головой, потом приложил крест к макушке склонившегося перед ним непутевого агнца и благословил.

Николай не спорил, он просто не находил времени. Вот и сейчас – поездка с Бориславом в Северский на границу Печорского княжества наклюнулась. После нее так и быть пойдет к Феофану на исповедь.

Поселок Северский-таки отошел к Белозерским, а с ним и рудники. Печорские под конец сдали в своих радениях, и проиграли тяжбу. В боярской думе Борислав получал поздравления по сему поводу. Думный глава Кузьма Потапович Храпов пуще других радовался, ведь это значило, что будет чугун для новых сумеречных колоколов: и свои границы закрыть плотнее, и на продажу другим родам поставить.

Нынче же Борислав вознамерился поглядеть на отвоеванную территорию у излучины реки Печоры. Взял семерку дружинников, а чего – места все знакомые, родные, немало хоженные. Васька на сей раз оторвался от своей молодой женушки и отправился в числе отрядных.

Поначалу добирались по вешковой дороге до станции «Задвинье», потом продолжили путь по Архангельскому тракту на северо-восток, там переночевали в яме под названием «Царский двор». Хозяева сбились с ног встречая именитых гостей, метали на стол яства усердно. Угощали жареными поросятами, темным квасом и сносным вином. На следующий день княжеский отряд покинули ям спозаранку. Через двадцать верст свернули на Печерскую дорогу. У деревни Оленки сошли на просеку, и далее двигались вглубь леса к границе с Печерским княжеством. Снег тут еще кое-где лежал, светясь грязными пятнами среди жухлой прошлогодней листвы и свежей зеленой травки. Весной лес пах по-особому – корой, смоляными почками и влажной землей. Нет-нет да попадали копытами лошади в грязные окна, замешивая суглинок

в лужах. Слышны были даже стук дятлов да свист синиц. И других птиц, что не перелетные и высоко в небо не поднимаются.

На месте оказались к двум часам по полудню. Решили в Северский пока не заезжать, а сразу отправиться на место. Что ж осмотр шахтовых мест порадовал.

Борислав улыбался, внося заметки в свой журнал.

- Глянь, каков камушек, Ник, - подбросил он в ладони кусочек породы. - Содержание железа более 65%. Руда высочайшего качества. И по приборам площадь залегания приличная.

- Значит, наш род обогатился.

- Именно, братец. Работы предстоит уйма, но оно того стоит. Возведем шахты, проложим Печеро-архангельскую ветку вешковой...

Он говорил, а Николай мотал на ус и радовался вместе с братом. Со дня кончины своих он не видел Борислава таким воодушевленным. А сейчас в глазах Борьки горел огонек. Отличный знак.

- Теперь в Северский, - скомандовал спустя час первый князь Белозерский. - На утро в обратный путь.

Час они уже двигались по сонной просеке, удаляясь от Северского поселка, в котором дворов оказалось двадцать от силы. Вчера их отряд взяли на постой в лучшие избы - тесные, но хоть со свежим постельным бельем. Народ местный смотрел на смену власти положительно. Печорские не желали вкладываться в развитие поселка, а Белозерские славились своим подходом «радей за род и будешь рад». Борислав обещал поддержку жителям поселка и обрисовал ближайшие перспективы – рядом с Северским грядет большая стройка по прокладке шахт. Все хорошо, вот только зачем Бориславу было отряд в такую рань поднимать, не на сечу же. Но Боря торопился в Белозерск дела творить.

Так мысленно ворча на Борислава, Николай покачивался в седле.

- Вам не кажется, что Марь ведет себя странно? – тревожный возглас Васьки Шилова заставил отрядных поднять взгляды в небо. И впрямь. Еще пять минут назад пастельно охряная высь теперь приобретала густо оранжевый цвет. На том, не останавливаясь, продолжила наливаться алыми оттенками. Наблюдалось активное завихрение, и всё за считанные секунды.

- Аномальный прорыв! - Борислав первый озвучил то, о чем подумал каждый в отряде.

- Едрить твою в пень! – в сердцах прорычал рядом Ярополк Рягин.

В подобном погибли отец с матерью и маленький Владимир. С тех пор аномальные прорывы еще пару раз проявлялись в империи, но Николай никогда не мог предположить, что их семье «повезет» дважды. Ведь как говорится два раза в одну реку не войдешь, а тут... Поговорка жестоко подвела.

Борислав внезапно спешил. И рядом с ним появился первый призрачный богатырь.

- Только не говори, что хочешь принять бой, – Николай спрыгнул с коня и тронул за плечо брата. – Нас мало, лучше уйдем, пока не грянуло.

- Уйдем, но вначале проредим мразь, насколько сможем, - сосредоточенно творя светлую волшбу, ответил первый князь Белозерский. - За нами – Северский, те самые люди, которые давали нам кров. Если оттянем вымарей на себя, у них появится шанс выжить.

Николай молча кивнул и за пару секунд проявил свою пятерку защитников – смутные тени из белой дымки. Он верил Бориславу. Они покосят, сколько смогут, гадов и отступят.

Отрядные отпустили коней. Обученные животные унеслись в указанном направлении и ожидали посвиста хозяев.

- Всем приготовиться к битве! Ник, будь рядом, - привычная просьба старшего брата напоследок.

Пара багровых хоботов потянулись к земле. И началось... Алая призрачная река из тварей, почуяв поблизости очаги жизни, повернула в их сторону. Будь тут целая дружина, справились бы наверняка, а сейчас войны могли лишь привлечь алых уродцев и увести за собой.

Борислав и его сотня призрачных богатырей, как и Ярополк Рягин с его тридцатью защитниками, взяли на себя авангард. Остальные держались позади, выбивая тварей, случайно прорвавшихся сквозь выставленную преграду. Рослые богатыри, сотканые будто из белого пара, разили пиками и мечами вымарей, лопаю нечисть, как пузыри.

Николай остервенело сек тварей, орудуя парными мечами и управляя своей пятеркой. Справа от него бился Васька Шилов, слева прыткий Мишка Левский. И как бы все из девятки отрядных не старались, белая рать быстро истончалась под лавиной врагов. Красное «море» не заканчивалось. Силы были неравны. Их чуть не взяли в кольцо, когда Борислав, наконец, скомандовал:

- Отступаем! По коням!

Свистнули лошадей и подались назад. Ник на ходу вскочил в седло в числе остальных. Твари же как назло полезли особо шустрые, не желали отпускать близкую и такую желанную добычу. Пришлось сбивать с себя их присоски и гнать гнедого вперед. Борислав неся замыкающим, за ним тянулся белесый призрачный шлейф, в котором угадывались силуэты богатырей – увы, сильно поредевший.

Лошади с седоками неслись по просеке, преодолевая препятствия в виде палых веток, пней и ухабов. Время от времени Николай оглядывался, отмечая передвижение Борислава. Еще немного и они оторвутся. Копыта радостно застучали по тверди – тропа расширилась и стала прямее и чище. Здесь можно погнать лошадей во всю прыть. Ник довольно хохотнул. А ведь у них получилось! Они смогли отвести вымарей от поселка. И теперь, если поторопятся, то вполне смогут вернуться сюда с подмогой, чтобы добить оставшихся тварей до того, как те доберутся до поселений.

Ник прищипорил коня, но, когда в очередной раз обернулся, увидел то, от чего ойкнуло в груди – белая кобыла Борислава бежала за отрядом без всадника. Черт!

Потянул с силой вожжи, поднимая гнедого на дыбы:

- Возвращаемся! – рявкнул Николай так, что эхо в сосновой опушке затерялось. – Первый князь в беде!

Отрядные поняли и, развернувшись, пустились вслед за Николаем обратно. Гоня мимо Белки, лошади брата, Ник свесился с коня и ловко подхватил ее вожжи. Белка-умница пустилась галопом, держась рядом.

Николай скрежетал зубами, еще издали видя, как твари скопом накинулись на брата, а один особо крупный вцепился в тело Борислава. Последние светлые богатыри исчезали один за другим, не справляясь с врагом. Ник рвал жилы коня, стараясь успеть, внутри набатом бились в голове секунды касания Мари:

Одна... Две... Три... Четыре... Пять...

Увы, его худосочная призрачная пятерка защитников, которую он бросил вперед себя, мало в чем преуспела, как и не успели защитники Ярополка. Ник первым слетел с коня и набросился на вымаря, кромая его. Другие в этот момент сдерживали остальных тварей.

Шесть.... Семь секунд... Успел или нет?!

Ник ухватил оседающего брата за плечи:

- Ты как? Боря?! Ответь!

- Порядок, младший, - прохрипел брат, ухватившись за правую ключицу, в том месте где недавно была присоска вымаря. - Я зацепился за ветку и слетел с коня.

От его слов немного спало напряжение.

- Давай, поехали отсюда. Левский, Шилов, помогите мне, поднимаем его в седло!

Устало, тяжело, но брат встал. Вместе они подхватили под локти первого князя и общими усилиями усадили на лошадь. Теперь Ник скакал и держал в руке поводья Белки и зорко следил за Борей. Через версту отряд покинул опасный участок, а спустя еще пару верст брат потерял сознание.

- Нет! – взвился крик Николая в опостылевшие небеса. - Ты не можешь, Боря! Очнись!

Трясти Борислава оказалось бесполезным делом, он не приходил в сознание. Алая Марь все же затронула его тело. Ухватив свою голову руками Ник отшатнулся и застыл в немом ужасе.

Ярополк снял шапку и склонил скорбно голову:

- Князь под Марью, - произнес так, будто уже хоронил.

За несколько секунд Ник успел до крови зажевать нижнюю губу, а затем решительно вызвал свою бледную пятерку защитников. Белесые тени по его приказу метнулись к первому князю и обернулись вокруг его тела.

- Ярополк, теперь ты. Все, кто еще способен на волшебство! Последние силы – все кидаем на стасис! – крикнул Николай, сверля подчиненных горящим взглядом.

- Ник, это же бесполезно, ты же знаешь, - шепнул с сочувствием Василий Шилов, но в ответ услышал жесткий ответ от второго князя Белозерского:

- Это приказ! Немедля выполнять, если голова дорога на плечах!

Визуал

Приблизительно так Алая Марь собирается в небесах.

**♥# Дорогие читатели, благодарю за чтение и коммы! ##
 У Ника наступил период полного затмения. Ася готовится к выпускным экзаменам.**

5.1

В Белозерск вернулись под покровом ночи. Велев Ярополку собирать вторую дружину и выдвигаться обратно – в место прорыва для зачистки территории от вымарей, сам Николай вместе с Шиловым и Левским тайно снесли Борислава в подпольные палаты родового дворца. Эти жилые комнаты предназначены были служить убежищем при вражеском нападении. Оттуда и ход тайный имелся, который вел в дебри ближайшего леса. Помнится, в детстве он и Васька вместе бегали по сырому замшелому ходу туда и обратно. Тогда это казалось им веселым приключением.

Сейчас тут горели свечи в двух канделябрах, создавая объемные тени на расписных потолках, дубовом полу и редкой мебели. Борислава усадили на старый трон, который принадлежал роду и, как считалось в семье, придавал силы. Тело закрепили на троне ремнями. Ник бережно поправил положение головы брата на спинке трона. Бледное лицо первого князя выглядело безмятежным.

– Ничего, потерпи, Боря, – прошептал Николай. – Я вытащу тебя. – И в сторону: – Казначей ко мне, живо!
Мирон Казимирович, спустился в подземные покои, чуть прихрамывая и подслеповато морщась. От вида первого князя в бессознательном состоянии и новости он схватился за сердце, звякнув связкой ключей.

– Первый князь, да как же это...

– Дай клятву о неразглашении, Мир. А потом неси веретено из сокровищницы.

– Но ваше сиятельство, оно же на крайний случай.

– По-твоему этот случай не крайний? Неси, говорю, – пришлось чуть подтолкнуть родственника посредством ментального дара.

Стасис, который осветленные наложили хорош, но долго не продержится, а брату нужно надежное средство – почти остановить время, для всех его жизненных функций.

Далее новость пошла по самым близким. Кто бы не вовлекался, Николай брал с каждого клятву о неразглашении. Благодаря светлomu «облаку» веретена тело брата теперь находилось в состоянии летаргического сна, и в таком состоянии он мог находиться годами. В остальном все было плохо.

Княжеский лекарь Светозар Филимонович, тщедушный бородач с широким лбом, сказал так:

– Я вам сочувствую, дорогой князь, но вы сами все прекрасно осознаете. Марь уже затронула тело вашего брата и продолжает разрушать его изнутри. К сожалению, этот процесс необратим. Абсолютно.

– Много ты знаешь! – прошипел Ник, и быстро распрощался с неугодным.

После Светозара он выслушал вердикты еще дюжины других целителей, и все они после осмотра первого князя говорили одно и то же – дело безнадежное, мол, надо смириться с потерей и отпустить Борислава на тот свет с миром. Он не придет в себя и не откроет глаз более никогда. Принять этого Николай снова не мог.

На Николая нет-нет, да тайком посматривали с жалостью, как на умалишенного. Глупцы! Они не понимали всей беды случившегося. Без Борислава уже не будет той защиты земель Белозерских, не будет процветания княжества. Николай всегда сильно уступал брату во всем, и в светлой силе, и в деловой хватке. Сотня богатырей Борислава всегда считались гарантом стабильности рода.

Впервые второй князь Белозерский ощущал страх и бессилие. Даже после смерти отца, матери и младшего брата не случалось с ним такого. Этот страх за жизнь последнего близкого ему человека был всепоглощающим, ввергающим разум в пучину отчаяния. Это он, Николай, лез на рожон в битвах и мог словить касание Мари, но не Боря. Борислав – великий князь-

защитник земель Белозерских, один из самых сильнейших осветленных Родосветной империи. Всегда рассудительный, справедливый, расчётливый. Он не должен был сидеть бездыханным на этом чертовом древнем кресле с бронзовыми вензелями.

На третий день Николай лично отбыл в Петроград и там настоятельно просил аудиенции у императрицы. И уже следующим днем привез в Белозерск животворца Марии Александровны. На Гринцбурга Ник возлагал особые надежды.

– Прошу сюда, Лейб Горациевич, – он вел осветленного врача по сумрачной винтовой лестнице в скрытые дворцовые хоромы. – Он здесь.

Гринцбург шел неторопливо, так что Нику хотелось поддать ему пинка под зад. А быстрее нельзя?

Брат все так же сидел неподвижно с закрытыми глазами, окутанный легким туманом, облаченный в белые одежды. Кормилица с двумя доверенными служанками давеча обмыли и переодели первого князя. Чело Бори украшал княжеский венец, а рядом покоились его ножны с осветленным мечом.

Лейб поставил на скамью свой саквояж, раскрыл его, достал тонкую бутылку. Омыл руки дезинфицирующим раствором. Поморщил крючковатый нос. Неторопливо навинтил крышку на горлышко. Ник сдерживался, чтобы не заскрежетать зубами. Осветленный подошел к Бориславу и положил одну ладонь на его лоб, вторую на солнечное сплетение. И замер.

Николай не отрывал взгляда от врача и брата, и кажется не дышал. От ладоней животворца шел парок светлой силы. Через десяток минут ладони Гринцбурга переместились на то место где была присоска вымаря – на левую ключицу, еще через десять минут, врач обхватил голову пациента.

Затем он неторопливо отступил и снова принялся натирать руки раствором. Николаю же хотелось в этот момент выхватить бутылку и садануть им об стену, но вместо этого терпеливо произнес:

– Что скажете, Лейб Горациевич?

– Увы, моих сил недостаточно, чтобы очистить от Мари вашего брата, – ответил педант.

– Впрочем, я в этом и не сомневался.

В его глазах читалось: «Только благодаря ее императорскому высочеству я вообще сюда явился».

– Но о животворцах говорили, что вы можете и мертвых из могилы поднять.

– Обычных мертвых – да, в течение получаса после смерти можем восстановить погибшие клетки мозга и поднять. Но касание Мари – это иное, нам неподвластное. При всем уважении, Николай Владимирович, мы все-таки не боги.

И после краткого обоюдного молчания добавил:

– Мои услуги не бесплатны, как помните. Я затратил более половины резерва на диагностику.

– Конечно. Следуйте за мной.

В кабинете Ник выдал животворцу толстую пачку денег. Провожать не отправился. Прошка выведет врача к коляске.

Николай уселся в рабочее кресло, ранее отца, а в последние годы – Бори. Тут все было по-старому, бумаги на столах, перо брата. Заточенные карандаши. Борислав сам любил точить их перочинным ножом. Николай взял один карандаш в руки и бесцельно покрутил в руках, погруженный в траурные мысли. Теперь у него не осталось ни единой надежды. Ему придется отпустить брата. Глаза сами нашли семейные портреты на стене. Деда, бабки, отец, мать, младший брат, теперь и старший. Как так могло случиться!

Николай в сердцах отшвырнул от себя кипу бумаг, затем закусил кулак, запрещая себе пролить хоть единую слезу. Взгляд прошелся по бумагам и вдруг... он вспомнил о деле ведьмы.

Кажется, брат говорил, что имели место проволоочки, а затем старуху не отправили в Сибирь из-за Пасхальной недели.

Николай выскочил из-за стола, даже не удосужившись навести порядок в кабинете.

Если осветленный животворец оказался бессилён, то, может, черная ведьма знает, как поднять Борислава? Только бы она еще была тут, в белозерской тюрьме.

Варвара Макаровна Фищук, шестьдесят одного года от роду на первый взгляд казалась безвредной и даже приятной. Круглолицая старушка в косынке, добродушные ямочки на щеках, улыбка обманчиво любезная. Однако на дне ее маленьких черных глаз-щелок, если приглядеться, можно заметить злобный блеск и что-то еще, от чего хотелось поежиться простому люду. Дар Ника определял ее, как мутную в прямом смысле личность.

Распоряжение Николая застало Вару прямо в тюремном черном дорожном дилижансе, что собирался отправиться в путь с тюремного двора в ближайшее время, оттуда ее и вытащили стражники, чтобы сопроводить до княжеских покоев.

Николай ждал ответа на свой вопрос, но ведьма не торопилась отвечать. Повела маленькой ладонью над Бориславом, ткнула того пальцем в ключицу.

- Вижу, княже, горишь ты аки пламень, - заговорила, наконец. Голос бабки показался тягучим с некоторой шепелявостью.

- Говори, можно его вернуть к жизни? – Ник ждал ответа, прислонившись к стене плечом.

- А на коль мне энто, ты ж меня в Сибирку-то поди усе равно сошлешь? – стрельнула злым взглядом в него старушка.

- Поможешь - останешься жить. Еще и одарю по-княжески.

- Ой, знаю я ваши благородские подарки, хе-хе. Уж отсидела, чай, - она криво улыбнулась, выказывая отсутствие пары зубов, затем прошла по князю жадным взглядом. - Вот перстеньки-то на твоих холеных рученьках, милый мой, дивно хороши.

- Забирай, - Ник отдал четыре перстня, среди которых и памятный подарок матери на окончание гимназии – перстень из белого золота с холодным голубым топазом редкой огранки.

Ведьма шустро подхватила кольца и ловко нанизала на свою маленькую ручку, совсем не смущенная большим размером украшений.

Николай боялся услышать про жертвы младенцев, кровавые обряды, ведь в этом случае он просто отправит ведьму в тюремный дилижанс обратно, но старуха удивила.

- От подселения Марьского лишь одно поможет, - прошептала Фищук, довольная собой. – Чай, твои умники-лекаришки даже не слышали о таком. Надоть наполнить больного живой животворца в день его первого зассвета. Перекачать дар в тело, то бишь. Толича делать энто должен ты сам, княже, как близкий по крови. Не бойсь, милок, дам тебе знатный заговор. Усе гладенько пройдет, без сучка, как грится.

- Что?! – усмехнулся Ник. – Ты это серьезно?

Совсем очумела бабка. Мало того, что посягательство на осветленного уж сотню лет как карается смертью, так еще: где он найдет животворца не проявленного, позвольте спросить? Это что иголку в стоге сена искать.

- А эт не мои беды, княже, - фыркнула ведьма, скривив губы. - Найдешь, скажу, что далее делать. А покамест сели меня в хоромы, в темницу не вернуса! - нагло произнесла она. - Койки тамыча что камень, а я к перинке-то на гусином пухе привыкшая.

Так хотелось сбить спесь с бабки, да вот недальновидно это было бы. Велел Ваське тайно подыскать для Фищук временное жилье, приставить охрану и строго бдеть, чтоб ведьма не сбежала.

Объявив в княжестве на всеуслышание, что первый князь сейчас в дальнем и продолжительном походе, Ник понимал, что долго его ложь не продержится. В дружинах уже сейчас ведутся речи, куда и с какими людьми отправился Борислав, ведь все войны считай на месте.

На вопросы, Ник лишь отмахивался – поход мол у брата тайный, и Борислав взял наемников, чтобы по лицам никто не распознал Белозерских.

На следующий день Николай сбросил на Мирона все княжеские дела, и в следующие недели занимался, как в последствии оказалось, безнадежным делом - отправился в Петроград и шатался по людным местам в надежде заметить в ком-то нераскрытый дар животворца. Обошел ипподромы, театры, был на многочисленных светских приемах. Под личиной простолюдина бродил по рынкам, площадям, стоял на воскресных службах главных соборов.

От людской толпы к концу последней недели его уже изрядно тошнило. Да, все верно - он мог увидеть стадию светлого кокона, когда дар еще только собирается «проклянуться» в теле будущего освещенного. Эта способность, доставшаяся ему от запечатанного ментального дара. Сейчас она могла спасти Борислава. Да только этого оказалось мало.

Ник убедился лишь в одном - ловить таким образом животворца – все равно что удочкой блоху. А иначе как это сделать, он не знал. Сколько надо просмотреть людей, чтобы найти того самого? Миллионы?

В конце концов он решил сделать передышку, в мрачном настроении воротился в родное княжество. По возвращении в Белозерск его под белы ручки затянули в Думу негодующие бояре. И полдня не выпускали, поскольку накопился список дел, требующих его прямого участия и княжеской подписи. И он выстоял, разобрался, выдюжил. Напоследок, сведущий о реальном состоянии Бори, думный глава Кузьма Потапович Храпов неожиданно вынес предложение от всех:

- Просим отчаянно и бьем челом! Женись, княже. Род продлевать надо.

И на сей раз Николай понимал всю правоту их по сути требования.

 Промокод на "Башню Вемовей. Душеспасательница" 3PPMLKlf

Визуал

**Первый князь Борислав на том самом троне в безвременном сне.
 История продолжается. Помню, что читатели некогда просили непростые судьбы для героев в следующей книге. По заявкам, как говорится.

**

6. Шифр и привет из куста

Из приоткрытых окон класса доносился аромат цветущей сирени и клумбовых нарциссов. Май радовал теплом и солнечным светом, хоть и рассеянным. Сегодня был последний экзаменационный день. Акси́нья Лапки́на не зря готовилась всю весну, не высовывая голову из горы учебников. Успех сопутствовал ей.

В комиссии за длинным столом сидели двое приглашенных седовласых профессоров и четверо ученых дам из Смольного. Во главе же восседала сама Аполи́нария Львовна Таланова, начальница этого достославного учебного заведения. В сиреновом атласном платье с ажурной воротником-шалькой, при покатых плечиках и сложенных кротко перед собой ручках, она представляла собой этакую загадочную Мону Лизу.

Последние полчаса Ася отвечала на вопросы по новейшей истории. Надо признаться, комиссия не пыталась ее как-то ущемить.

– И последнее, барышня. В каком году был принят закон о неприкосновенности осветленных и что тому поспособствовало?

– После схода Алой Мари и появлении осветленных началось пятнадцатилетие родовых войн, которые еще сильнее ослабили положение империи. Тогда Марь значительно продвинулась вглубь материка. В ходе междоусобицы род Романовых смог удержать власть в своих руках. 5 августа 1735-ом году император Петр I и его приемник, юный Петр II, совместно огласили новый закон о неприкосновенности. Михаил Васильевич Ломоносов, молодой осветленный ученый и пророк, прокомментировал сие событие так: «Лишь осветленные в силах избавить наш мир от напасти, сошедшей со звезд. Одаренные неприкосновенны. Любое посягательство на здоровье и жизнь осветленных отныне будет караться с величайшей строгостью».

Еще несколько коротких дополнений, и ее ответ засчитали.

– Что ж, благодарим вас. Комиссии надо посоветоваться.

Минута ожидания, и Аполи́нария вынесла общее решение:

– Акси́нья Лапки́на, этот экзамен вы сдали на... отлично. Поздравляем вас с прекрасным результатом!

Ася не смогла сдержать радостной улыбки. Она смогла!

– Благодарю!

На следующий день в Белом зале Ася в числе самых лучших выпускниц поражённо принимала самую высокую награду института – шифр Смольного, а именно золотой вензель в виде инициала императрицы Марии на белом банте с золотыми полосками. Шифр выдавали за отличное поведение и исключительные успехи в учёбе. А ведь она почти не надеялась.

Аполи́нария подплыла и собственноручно прикрепила бант с шифром к фартуку на груди выпускницы.

– Благодарю покорно! – склонила голову Ася, держа на этот раз эмоции при себе, хотя сердце выбивало победный марш.

– Ты это заслужила, Акси́нья, – начальница лукаво улыбнулась, как лиса колобку. – А также: за тебя, девочка, сердечно болел один из наших уважаемых покровителей. Еще в начале весны мы получили письмо от Николая Белозерского, в нем он желал для вас беспристрастного судейства на экзаменах.

Ася моргнула, потом еще раз.

– О-о... – это была немая сцена с ее стороны.

– Я понимаю твой восторг, милая моя, – промурлыкала тише Аполи́нария. – Только прими от меня совет, дорогая: держись подальше от высокородных господ, чтобы больно не обжечься впоследствии, – она сочувственно и назидательно кивнула прежде, чем перейти к следующей выпускнице.

– Благодарю, я запомню и последую вашему совету, – прошептала Ася уж в пустой след. Слышал ли кто разговор из рядом стоящих о Николае Белозерском или нет? Скорее всего – да. Скосила глаза на стоящую рядом чернобровую Раю Валежник. Та не подавала никаких признаков заинтересованности. Ладно, Бог с ними. Теперь она здесь больше не учится, чего бояться?

Вынеслась из института на крыльях, словно свободная птица высокого полета до схода Мари. Хотелось кричать от радости. Она сдала все экзамены, получила шифр! И Николай помнит о ней!

Весна наполняла грудь воздухом свободы. Прыгать сразу в коляску извозчика – представлялось кошунством. И Ася решила прогуляться вдоль набережной. По пути купила у разносчика пончик, обсыпанный сахаром. М-м, как сладко. Ноги шагали легко, каблучки туфелек стучали по замощённой камнем дорожке. Вода в Неве отражала желтоватую высь, ласково билась в каменные борта. В какой-то момент Ася присела на скамейку и глядела на водную гладь.

Слова Аполинарии как весточка из прекрасной сказки. Ася светло улыбнулась. Князь Николай, как он там поживает? Должно быть рубит тварей Мари или поднимает, падающих ему в ноги красавиц без особой морали, и укладывает... О нет, об этом она думать не будет. То, что он написал письмо руководству Смольного, грею душу лучше всякого солнца. Теперь, когда на руках будет аттестат, она имеет право найти работу учетника, интересно, Белозерским таких не требуется?

Можно свернуть и пройти к их дворцу на Невском проспекте, тут недалеко. Ася позволяла себе изредка проходить мимо и посматривать в окна великолепного особняка издали. Жаль при этом ни разу так и не увидела Николая, а хотелось хоть одним глазочком. Торчать у их резиденции ежедневно, дежуря и выжидая, гордость не позволяла.

Таким образом дав себе немного помечтать, Ася вернулась на грешную землю. Снова двинулась по набережной, полюбовалась на знаменитую крепость на Заячьем острове. Шпиль Петропавловского собора точно игла прошивал желтую небесную высь. Ася слышала, что на той звоннице вторым установлен сумеречный колокол. Таких колоколов по всему Петрограду с дюжину, предназначенных в случае прорыва защищать город от Мари. Интересно, каково это всю жизнь прожить на территории площадью не более девяти квадратных верст. Сума сойти можно, наверное.

В раздумьях зашагала по Рожкиной аллее. И только позже поняла, что зря, в этой стороне не встречались каретные ряды. Тогда решила срезать путь, и тут же пожалела. Проулок, который она выбрала, оказался довольно безлюдным. Тыловые безлюдные стороны домов, заборы, густые кусты сирени, которые в этот момент уже не умиляли глаз.

В загромок подул сквозняком. На мысли, что следует вернуться, Ася ощутила острое предчувствие опасности. По наитию отшатнулась, но увы совсем уйти от приближающегося справа от себя сгустка силы не успела. Локоть обожгло болью, изо рта вырвался громкий крик, который однако так никого и не привлек. В окнах так никто и не появился. Схватила за руку, села на корточки. Боль едва терпела. Кто это сделал, Ася так и не разглядела. В кустах сирени затрещали ветки, а потом послышался звук отдаляющихся быстрых шагов.

Ну что ж, вот и прилетела ей чужая зависть. Вот же высокородные куклы! Теперь надо идти в травм-пункт, а конкретно туда, где принимали с травмами от светлой силы. Эх.

Пока добиралась, ко всему прочему ощущала, как скручивает и печет живот в области желудка. Пончик похоже готовили на выжаренном масле. Но даже такое событие, как привет из кустов, не убавило ее тихой радости. Сидя в больнице под уколом обезболивающего, Ася расслабилась и даже улыбалась.

– Дайте-ка гляну на ваш свето-ожог, барышня, – обратился к ней почтенный усатый врач, приподняв повязку, пропитанную целебной мазью. – О, да вы идете на поправку прямо на

глазах. Поразительно. Почти уже затянулась рана. Думал, что вы к нам походите на перевязки несколько дней, но вижу, что отпущу вас уже сегодня. Вот возьмите эту мазь. Смазывайте пораженный участок ежедневно в течение пяти дней.

– Господин доктор, скажите, а шрам останется?

– В вашем случае, нет, сударыня.

– Спасибо большое! Я тогда могу идти?

– Да. Всего хорошего, девушка. И не откладывайте в долгий ящик, обязательно обратитесь в опричную службу по защите простых граждан от осветленных. Виновные должны понести наказание, – покачал он рукой с вытянутым указательным пальцем.

– Обязательно.

То есть обязательно не обратится. Никто не станет искать высокородную идиотку, которая это сделала. Даже, если такое случится, то дело сразу замнут. Оставалась надежда, что гримза, которая это устроила, теперь удовлетворится местью и успокоится. И все же, Карина Угарская или Злата Торчук? Или кто другой?

*
 #♥#

 Шифр Смольного в нашем реальном мире (Екатерины II).
 На шифре Аси вместо Е, вензель М (Марии II).
*

Дома Ася прошмыгнула незаметно в опочивальню и сама переделалась в домашнее платье с длинными рукавами. Получилось дольше, чем с нянечкой в помощницах, зато никаких вопросов. Рану показывать родителям даже мысли не держала. А потом спустилась в гостиную, где в этот момент находилась вся семья.

– А вот и я! – представила им свой шифр и красный аттестат.

Принимая поздравление родителей и сестер, чувствуя их объятия и поцелуи на щеках снова ощутила радость.

– Горжусь тобой, моя девочка, – в глазах батюшки блестела сдерживаемая слеза.

– Какая ты умница, Асенька! – скакали вокруг нее девчонки, точно у рождественской ели. – Ты теперь пойдешь на Весенний бал в императорском дворце! Как одна из лучших выпускниц Смольного! О, там будет весь цвет империи! – Софка сделала вид, что облизывается и схлопотала от мамы замечание.

– Что-то я тоже очень захотела учиться на отлично, – протянула вдруг Катя. – Папенька-а, научишь?

Отец семейства кивнул и подмигнул Катюшке.

– Так-так! – вмешалась в разговор матушка. – Это конечно замечательно, Ася, что ты теперь специалист с образованием. Но найти хорошего мужа, куда важнее, поверь моему слову. И-и, – протянула она с улыбкой на губах, взглянув таинственно на батюшку, – нам папой кажется, что нашелся, наконец, человек, достойный тебя, милая.

– Ну, ма-ам, – протянула Ася умоляюще. Ей так не хотелось устраивать сейчас баталию, отстаивая собственную свободу.

– Ладно, Галенька, давай не сегодня, – спас положение батюшка. Ася чмокнула его в щеку из благодарности.

Перед сном Акси́нья Лапки́на открыла личный альбом с гербарием. Меж страниц последним был высушен цветок лимона. Едва прикоснулась к хрупким лепесткам. Николай...

Нет, она не станет наниматься к Белозерским. Слишком тяжело будет его видеть и знать, что он недостижим, как взгляду – звездное небо. Лишь сердце терзать.

7. Невеста и бал

Васька Шилов старался подбодрить, но сегодня промахнулся, выполняя просьбу думного главы:

- Вот, только взгляни, сиятельный друг мой! Все красавицы! Любая с удовольствием войдет в род Белозерских, и тем самым заполучит поддержку для своего родительского рода.

Николай хмуро позволил другу выложить перед собой портреты тех девиц, что думные бояре прочили ему в невесты.

- Княжны, великие боярышни – самый цвет и великородность! – продолжал нахваливать Шилов. – Да посмотри же ты!

Николай пробежался взглядом по портретам. Все девы в дорогих нарядах, в драгоценных венцах и тяжелых серьгах, брови по моде начерченные, губы на помажены, пышногрудые, а где и вовсе пышки... Все они ему казались нынче на одно лицо. Ник отвернулся и принялся рассматривать очередную деловую бумагу.

- Не узнаю тебя, князь, – фыркнул возмущенно Васька, выхаживая по кабинету. – Это же красотки, пальчики оближешь, а ты!

- Смотри, Дарья тебя услышит.

- Тебе все равно придется выбрать кого-то...

Да, он это знал. Николай еще раз бросил взгляд на портреты, и понял, что никого из этих девушек не хочет видеть своей женой. Да только свои желания нужно привыкать давить ради процветания рода и княжества.

- Хорошо. Выбери любую сам, и скажи думным.

- Будет сделано, мое сиятельство. Зауральская так себе, согласен. Тверская сразу видно гонористая, и подбородок тяжеловат. Но Марфа Поздеева неплоха ведь, а? А главное плодовитое семейство, по пять-десять детей в каждом колене. И дар приятный – предвидения, важных для рода событий. Выберу ее, пожалуй.

- Ладно, иди уже.

Васька бросил на него обеспокоенный взгляд, и скрылся за дверью. За своей бравадой Шилов скрывал сочувствие к другу. И питал большие надежды, что женитьба, может пойти тому на пользу.
Решение Николая удовлетворило думных бояр, и весть уже потихоньку покатилась по языкам.
Для первой встречи с невестой, - для пригляда, как говорится, - выбрали нейтральную территорию – Весенний бал. Там Николая и просили поговорить с великими боярами Поздеевыми и вручить помолвочное кольцо невесте – золотое с редким желтым алмазом, - как и назначить свадьбу в скорый срок, ибо нечего тянуть кота за хвост. Положение не то, понимать надо.

В назначенный вечер перед тем, как отправиться на треклятый бал, Николай Белозерский позволил слугам облачить себя в брюки и шелковую рубашку сливочного цвета, тёмно-синий кафтан с расшитым золотом обшлагами и при золотых шнурах, не выходящих из моды в последнее десятилетие. На груди вновь при ходьбе звенели знаки отличия, белокурую голову украшал золотой венец второго князя.

Двинулся было в сторону парадной, но по пути свернул. Спустился по винтовой лестнице в подпольные хоромы к Бориславу.

Тут ничего не менялось – плакали воском свечи в канделябрах, чуть потрескивая в полной тишине. Брат сидел неподвижно, окутанный едва приметной дымкой. На груди его висела цепь с веретеном. В просвете ворота на теле Бори виднелась часть родовой метки – белесые пятна складывались в ажурную вязь в виде цепи. Борислав все еще считался главой рода. Ник положил свою ладонь на сухой прохладный лоб первого князя:

- Сегодня мне предстоит помолвка, брат, - вздохнул он, – но ты этого не увидишь.

Николай вновь остро ощутил горечь вины. Как же он жалел, что не был в тот день рядом с Бориславом рядом, скакал впереди него. Если бы только можно было повернуть время вспять и переиграть тот кошмарный день, он бы успел, он бы смог отвести беду...

Уже привычно опустился на мягкий табурет у ног брата и взял холодную ладонь Бори в свою руку. Склонив голову просидел так, пока его не окликнул Василий: «Пора на бал, князь. Карета уж час как подана».

В императорском Зимнем дворце Ник бывал много раз и великолепие дворца его давно не трогало. Мало того, сейчас он его просто не замечал, углубленный в собственные печали. Пройдя мимо мраморных статуй, он взошел по красной ковровой дорожке посольской лестницы на второй этаж. Миновал залы анфилады и достиг Ольгинского зала – самого большого во дворце рода Романовых, названного в честь императрицы Ольги, жены Петра II. Весенний бал традиционно проводился именно здесь.

Ряд коринфских колонн украшала янтарная мозаика. Потолок так же был расписан гризайлью цвета слоновой кости, и частично выложен янтаром. По наборному паркету выхаживали именитые приглашенные, разодетые, выказывающие свое благополучие и счастье в неискренних улыбках. Здесь была знать из первой сотни родового списка, а также все те, кого отметила империя, как подающих надежды в различных областях молодых специалистов.

Николая заметили с порога, и тотчас поспешили к нему с приветствием представители сразу нескольких родов. И всем было любопытно, где же сейчас пребывает первый князь.

- О, тайный поход, - обмахиваясь веером, улыбнулась Ирина Голицына, княгиня Нижегородская, та еще акула, впрочем, как и ее муж, коренастый пожилой мужчина с короткой шеей, неподалеку у столика распивающий шампанское.

- Должно быть скоро, Борислав Владимирович нас всех удивит, - поддакнула ей боярыня Новочеркасская – красивая пятидесятилетняя дама в изумрудном низком кокошнике со страусовым пером. – Первый князь Белозерский всегда меня впечатлял отменной хваткой и силой. О, да я в восхищении от вашего брата, ваше сиятельство! И желаю ему поскорее воротиться, чтобы радовать нас своим присутствием на торжествах, подобно этому.

- Согласен с вами, дорогая Аврора Никитична, - поцеловал руку Новочеркасской князь Костромской, бравый пожилой усач с хитрым прищуром глаз.

- А вы, значит, пока за главного теперь, Николай Владимирович? – вот и Зосим Печорский нарисовался, как гадюка из-под пня. – Тяжко, наверно, бремя такое нести? Вижу, что лицом исхудали.

- Благодарю, справляюсь, - сквозь зубы процедил Николай. – Вы бы о своем роде поведали, уважаемый Зосим Янович. Слышал недавно ваш брат проиграл имение в карты и не только его? Может, поделитесь с нами, как так случилось?

- Да, это имение было захудалое, и Ерема потом отыгрался, - промямлил было Зосим, а потом вдруг вспомнил о важных делах. Вот и хорошо. Скатертью дорога, с-сосед.

- Ох, ваше сиятельство, - продолжила Голицына, - поговаривают, что вы решили остепениться? Правда или нет?

Обе женщины впились в него острыми любопытными взглядами. А еще пятеро, что стояли неподалеку, обернулись, ловя ответ второго князя Белозерского.

- Все возможно, милые дамы, - ответил он. Отрицать не стал, а зря.

- Вы знаете, хочу вас познакомить со своей крестницей... девочка чудесного характера...

- улыбнулась шире Аврора Никитична.

Теперь он вдруг стал понимать, во что влип, придя на этот вечер. «Господи, дай мне терпения выдержать и не сорваться!».

Николай провел около получаса просто принимая приветствия и возвращая оные, а также выслушивая, какие есть чудесные девушки в разных родах, а то и видеть последних. Его план - отдать должное старым родам, выполнить свой долг и свалить отсюда – казался уже не таким

легко выполнимым. В левом кармане кафтана Николай неосознанно вертел на пальце кольцо для невесты. Да где же эти Поздеевы? Огляделся в поисках. Безуспешно.

Зато взгляд невольно зацепился за девичью фигурку в светло-голубом платье с оголенными плечиками. Высокая прическа красила Аксинью Лапкину, делала ее старше. Пепельные локоны спускались к груди. Простое без обилия украшений платье выделяло ее из толпы, и конечно, эти раздражающие очки на лице. На груди приколот шифр Смольного. Николай мысленно вздохнул. Казалось, что его увлечение этой малышкой было так давно, словно и не с ним. Все, что происходило до аномального прорыва и заражения Марью Бори, все воспринималось, как светлое время и, увы, далекое.

Ася Лапкина обернулась, и на несколько мгновений они замерли, глядя друг на друга. А потом девица опомнилась и присела в положенном поклоне. Шагов двадцать меж ними, - но он понимал, что ближе они не сойдутся, потому ответил коротким поклоном издали. Ася коснулась шифра с бантом на своей груди и поклонилась повторно с благодарной улыбкой. Значит, знает о его письме, занятно, он ведь просил начальницу Смольного умолчать о переписке. Вид довольной девушки заставил его слабо улыбнуться. А потом...

А потом он вспомнил о брате. Боря был против этих отношений, и он был прав во всем. Глаза Николая потухли, губы сжались в нитку. Эта девчонка из худого рода. «Так что отверни морду и не смотри на нее».

Он так и поступил. И даже отошел на несколько шагов прочь и увидел, наконец, Поздеевых, возле которых увивался Денис Кердышев, эта наглая кость во фраке непомерного размера. Но тут Николая что-то заставило резко остановиться и медленно обернуться. Что-то, что подсознательно не давало покоя, и пульсировало в сознании. Николай Белозерский снова нашел взглядом девчонку Лапкину и замер. Кажется, тут ему изменила выдержка высокородного, у него в прямом смысле отвисла челюсть.

Едва заметное сияние вокруг нее он изначально не заметил, но когда призвал дар, то не мог поверить собственным глазам. Ведь Аксинья Лапкина была пуста, он сам проверял. А сейчас в области ее солнечного сплетения пульсировал маленький кокон, и именно – с зеленоватым отливом. Кокон еще не рожденного дара животворца! Разве возможна такая невероятная удача! В любом случае, он своего не упустит.

Оглянувшись снова на бояр Поздеевых, он поймал торжественную ухмылку Кердышева. Дениска припал с поцелуем к руке юной красавицы Марфы Поздеевой. «Идиот, - фыркнул мысленно Ник. - Мои намерения кардинально изменились. Забирай себе велико-боярышню, Деня, коль нужна. Теперь Ася Лапкина – моя цель».

Ноги сами понесли его вперед к ней. Пусть брат его простит, но вводные изменились.

Как бы не пыталась себя убедить, что бал самый обычный, все равно Ася волновалась. Еще ни разу она не была в большом императорском дворце, - только в малом, где проходили балы дебютанток, чей род начинался со второй сотни.

Сегодня она восхищалась архитектурой дворца, бродила по доступным анфиладным залам, прежде чем войти в бальный. Пожалуй, она могла бы тут провести полжизни, разглядывая старинные полотна и фрески высоких потолков с позолоченной лепниной. Терялась бы в отражениях высоких зеркал, слушала бы, как звучит под ногами идеально натёртый паркет и гладила холодный мрамор скульптур. У всего здесь была история. Легендарный род Романовых – сам создавал эту историю.

Вдовствующая императрица так и не показала на приеме. И Ася надеялась, что не из-за ухудшения здоровья. Если поначалу она держалась рядом с девушками из Смольного, то потом осталась почти одна. Когда неожиданно к ней присоединился Егорка Шишков, приятно удивилась.

- Я здесь с отцом, он вон там, беседует с Липецкими на тему заводских пусков, - ответил друг, поправляя очки. Сегодня, среди наряженных высокородных, он уже не пытался важничать, а просто глядел вокруг немного сиротливо, как и она сама.

- Хочешь игристого? – спохватился друг, решив вдруг поухаживать за барышней.

Ася кивнула, и Егор направился к столикам с напитками и яствами.

Взгляд она словно почувствовала, повернула голову и встретила глазами с Николаем. И вновь сердце заторопилось, побежало галопом по скользкой дорожке. Яркие синие глаза смотрели отчего-то мрачно, с некоторой грустью. Пожалуй, второго князя Белозерского она в таком ненастном настроении никогда не видела.

Опомнившись, присела в приветствии, потом и поклонилась, положив ладонь на шифр. В особой благодарности. На его лице появилась-таки слабая улыбка, наконец-то! Однако продержалась она сущие секунды, а потом погасла. Князь будто в один момент обратился в холодного высокородного, в глазах застыл синий лед, а лицо сковала маска безразличия. Он отвернулся и зашагал прочь.

Вот тебе Асенька и ведро ледяной воды на горячее сердце. Пшик и все. А чего ты еще ожидала? Иного быть не может, тут без шанса. Дыши глубже.

- Держи бокал, - вернулся Егорка и оттянул на себя внимание рассеянной подруги. – Ты знаешь, что в одном бокале шампанского может быть около миллиона пузырьков? Такую гипотезу выдвинул француз Жан Лигер, - не заметив особого отклика, Егор сменил тему, подходя ближе к собеседнице. - Слушай, я просил твоих родных пока тебе ничего не говорить до этого бала. Ведь для девушек важен момент и место. Я много читал и знаю. А здесь как раз особый праздничный дух.

- Ася Лапкина, - вдруг громче заговорил парень, от чего его собеседница вздрогнула. Он залез в карман сюртука, суетливо и немного неуклюже, из-за чего что-то выскользнуло из его рук и покатилося по паркету, благо недалеко.

Егорка бросился поднимать.

- Прошу прощения, - спрятав в кулаке поднятую мелочь, друг при этом глядел ей за спину. Веснушчатый нос его посветлел, как это бывало, когда он волновался.

Ася не мешкая развернулась и тут чуть было не уткнулась носом в кафтан, темно-синего цвета. Кафтан, стоящего вплотную к ней... (О, Боженька!) второго князя Белозерского. Она опешила настолько, что онемела на несколько секунд, лишь хлопая ресницами. А вот Егорка не сплеховал:

– Ваше сиятельство, мое почтение! – поприветствовал он важную персону. Неожиданно подобрался и склонил голову в коротком официальном поклоне. – Рад вас приветствовать!

- Простите, что помешал вашей беседе, - произнес Николай, оцупывая притязательным взглядом Шишкова.

- Что вы, для нас это честь, - не растерялся и тут друг.

Впрочем на том месте Егорка переставал интересоваться князя полностью.

- Аксиныя, не будете ли вы так любезны, составить мне партию в вальсе?

Ася наконец почувствовала, что может соображать и говорить. Но вот, что ответить, пока не понимала. Поэтому чуть нахмурилась, пытаясь разобраться, в чем причина такого особого внимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.